

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Андрей Максимов

Солнце на дороге

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Андрей Максимов
Солнце на дороге

Издательство «Детская литература»
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Максимов А. М.

Солнце на дороге / А. М. Максимов — Издательство
«Детская литература», 2017 — (Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005674-1

Полковник Антошин, живущий в конце XXI века, получает неожиданное задание – найти молодильные яблоки и узнать секрет вечной жизни. Для выполнения этой миссии он отправляется в далекое прошлое, где сталкивается с теми, кого считал вымыслом: Бабой Ягой, Лешим, Русалкой, ведьмами. На пути к своей цели полковнику придется многое преодолеть, узнать много необычного о своей древней родине, увидеть, как жили предки. Помогать в этом опасном путешествии Антошину будет неожиданно обретенный юный друг Малко. Для среднего и старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005674-1

© Максимов А. М., 2017
© Издательство «Детская
литература», 2017

Содержание

О конкурсе	6
Солнце на дороге	8
От автора	8
Часть первая	11
1	11
2	15
3	19
4	24
5	28
6	31
Часть вторая	36
1	36
2	41
3	46
4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Андрей Максимов
Солнце на дороге
Роман для молодых
людей любого возраста

© Максимов А. М., 2017

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Акишин А. Е., иллюстрации, 2017

© Брикман Д. Б., фото автора, 2017

© Макет, АО «Издательство «Детская литература», 2017

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018 годы)»

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

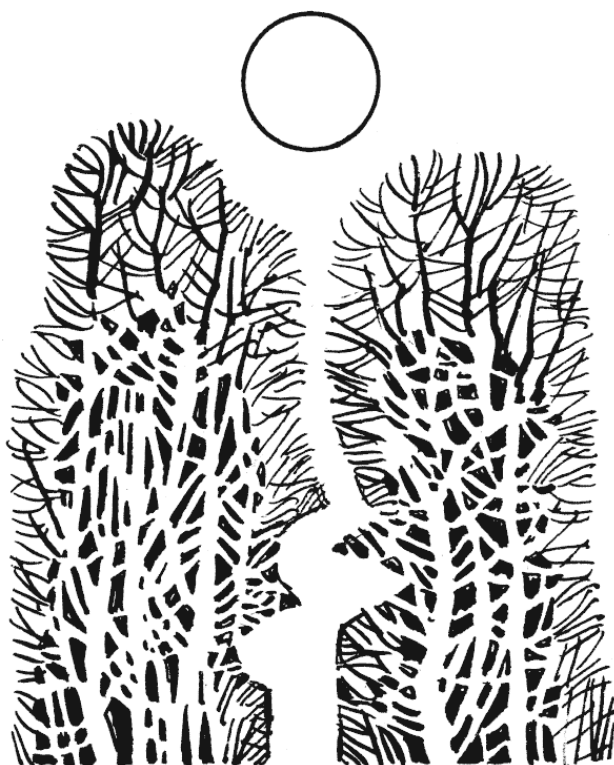
В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов.

В 2015 году объявлен прием рукописей на пятый Конкурс. Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

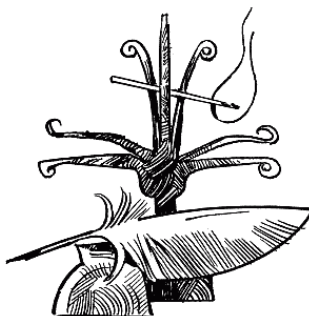

Солнце на дороге

Роман для молодых людей любого возраста

От автора

Кто такие эти современные подростки? Что им надо вообще? Что им интересно? О чем можно рассказать им так, чтобы, отбросив гаджеты, они сели за книгу и увлеклись ею?

А Бог их знает...

Кто такие эти современные взрослые? Что им надо вообще? Что им интересно? О чем можно рассказать им так, чтобы, отбросив дела, которые они всегда считают важными, они сели за книгу и увлеклись ею?

А Бог их знает...

Чем вообще отличаются подростки от взрослых, если мне, как и каждому, доводилось встречать молодых старичков и весьма пожилых юношей?

А Бог их знает...

Возраст – характеристика состояния, а не прожитых лет. Молодые люди (как и пожилые) бывают в любом возрасте.

В общем, трудно разобраться со всем, кроме одного: пиши о том, что интересно тебе, тогда, глядишь, кто-то еще сможет этим увлечься.

Не так давно я заинтересовался историей древней Руси. Заинтересовался до такой степени, что возник этот роман.

Я не историк и не претендую на абсолютную достоверность того, что написано. Конечно, роман, который Вы держите в руках, – это в определенной степени фантазия. Но фантазия на историческую тему.

Однако, читая исторические книги о жизни наших предков, изучая их мифологию, я понял, что ужасно хочу про все это написать. Я хочу проникнуть в этот мир и увести за собой читателя.

Я вдруг осознал, что в наши дни очень часто используют образы древнего фольклора. И слава Богу. Но как же мало знаем мы про эти образы! И как часто толкуем их абсолютно недостоверно.

Захотелось написать книгу, опирающуюся на дошедшие до нас из глубины веков письменные источники и мифы, в которой прошлая жизнь нашей родины будет описана максимально – для меня – достоверно.

Если не ошибаюсь, Алексей Толстой говорил, что, когда рассказываешь о прошлом, надо думать не о том, что произошло на самом деле, но о том, что могло бы произойти, о том, что должно было бы произойти..

Я хотел бы поблагодарить Н Шапорову, В. Калашикова, Юр. и Юл. Мизун, А. Копылова, М. Семёнову и многих других писателей и ученых, которые открыли для меня удивительный, волшебный, невероятный и одновременно совершенно реальный мир древней Руси и предоставили возможность рассказать о нем тому, кто сейчас держит в руках эту книгу.

Мой роман приключенческий, потому что он обращен в первую очередь к подросткам, а это люди, с которыми важно говорить увлекательно.

Подросток – это очень интересный читатель. Я убежден: люди тринадцати – шестнадцати лет все без исключения философы. Потому что так или иначе, умело или нелепо, серьезно или стебаясь, но они выстраивают свои отношения с миром. Они хотят понять этот мир и себя в этом мире.

Вдруг тут книга поможет?

Почему нет?

Поэтому, с моей точки зрения, разговор с подростками должен быть не только увлекательным, но и серьезным, а главное – уважительным.

В своей книге я беседую не с детишками, высокомерно поглаживая их по голове. Я разговариваю с людьми. С интересными мне собеседниками. Подросток, который сегодня садится на диван и открывает книгу, – это уже интересный человек. Это уже личность, безусловно заслуживающая уважения.

Увлекательность повествования вовсе не исключает серьезности поставленных вопросов. Что такое история родной страны и насколько можно ощущать себя ее продолжением? Что такое любовь и что такое дружба? Насколько человек хозяин своей судьбы? Как, по каким законам люди познают друг друга?

Таких вопросов немало. Один из важнейших: что такое подлинная Вера? И тот, кто верит в Бога, он сильнее неверующего или слабей?

Только не надо говорить, что «поколение гаджетов» не хочет об этом думать. Нам, взрослым, часто проще считать, что наши дети не хотят говорить о серьезных проблемах и думают только о ерунде. Неправда! Они – хотят.

И последнее. Задумайтесь над такой простой арифметикой. У человека, как известно, двое родителей, четверо бабушек и дедушек, шестнадцать прабабушек и прадедушек и так далее. Так вот, если считать количество родственников любого человека до эпохи появления славянских племен на территории будущей России, а потом сравнить с количеством народонаселения в то время, то окажется, что тогда жили только наши, пусть и дальние родственники.

Так что я предлагаю Вам книгу о Ваших кровных родственниках.

Спасибо всем, кто взял ее в руки и заинтересовался.

Надеюсь, Вам не будет скучно.

С искренним почтением к моему читателю

Автор

Часть первая

1

Все шло неправильно. А он слишком хорошо знал: если жизнь идет неправильно, значит, она направляется к каким-нибудь гадостям. Оптимисты называют их приключениями. Это дела не меняет: приключения – это и есть гадости, которыми одаривает нас жизнь.

Еще ничего не началось, а ощущение такое, будто он уже устал.

И мысли какие-то невеселые в голову лезут.

«Я не молодой человек. Мне пятьдесят скоро. Я устал от приключений.

Я мечтаю сидеть с сыном на красивом берегу, любоваться разноцветным закатом и рассуждать о смысле жизни. Потому что с детьми нужно рассуждать только о смысле жизни, в сущности, с ними больше не о чем разговаривать...

Но ты солдат, полковник Николай Васильевич Антошин. А солдат – это кто? Правильно: тот, кто выполняет приказы. И хоть в своем двадцать первом веке живи, а хоть в этом, чужом, – у военного человека одна наука жизни: выполняй приказ, покуда не исполнишь. Или не погибнешь. Вот и весь выбор.

Тебя куда послали, полковник? В прошлое? Чудесно! Зачем тебя послали? За молодильными яблоками? Замечательно!

Вот и ищи без лишней рефлексии эти никому неизвестные молодильные яблоки. Потому что в работе солдата рефлексия полезной не бывает никогда.

С кем я разговариваю? Зачем? Вроде никогда за мной такого не замечалось.

Может, странная страна действует? Как там говорил Алекс? Древняя Русь, мол, страна, в которой еще нет Бога.

Моя страна, только начинающая жить. Моя страна-ребенок, в которой нет Бога.

И что?

Вот в нашем двадцать первом веке, который уже закончился почти, Бог вроде бы и есть... Но много ли ты знаешь людей, полковник Антошин, которые живут, обращая на Него внимание?

Ты успел повоевать, дорогой Николай Васильевич. Ты помнишь, когда люди вспоминали Бога? Только когда шли убивать. Они говорили: «С Богом!» – и шли уничтожать чужие жизни.

Почему-то они были убеждены, что Господь именно их благословляет на убийство таких же людей, тоже созданных «по образу и подобию», чья вина заключалась лишь в том, что они носили другую форму.

Вот ты, полковник Антошин, в Бога веруешь? Вроде да. А людей убиваешь? Точно да. И как оно одно с другим у тебя совмещается?»

...Смешок.

Явный смешок ниоткуда... То ли с неба, то ли не с неба.

Хотя кажется, что небо тут везде.

Смешок.

Будто Кого-то, живущего везде, рассмешили мысли полковника, и Он усмехнулся.

Этот смешок явно принадлежит Тому Голосу.

«Смешок принадлежит Голосу... По-русски не разучился еще разговаривать, полковник Антошин Николай Васильевич?

И что это за Голос вообще такой? Откуда Он взялся? Он не с небес идет и не из воздуха. Этот Голос не имеет источника: Он повсюду, Он отовсюду, Он везде...

И почему-то хочется называть Его Голосом с большой буквы. Почему?

Называть... с большой буквы... Полковник, не сходишь ли ты с ума? Рано еще. Ведь путешествие только началось...»

– Ты говори вслух, полковник Антошин, – неожиданно посоветовал Голос. – Не бойся. Диктуй свои мысли, диктуй чувства и сомнения. Сомнения – это особенно важно. Сомнения двигают мысль.

«Кому диктуй? Зачем?» – хотелось крикнуть Антоши ну.

Но не кричалось почему-то.

Изо всех сил полковник старался не думать о том, почему этот странный Голос видит его. От одной этой мысли становилось страшно.

Скафандр, надетый на Антошина, должен делать его невидимым для всех обитателей прошлого. Ученые конца двадцать первого века уже давно поняли: коль человек не жил в прошлом, ему и незачем там появляться. Только ходить невидимым, только наблюдать. Антошину же надобно схватить пока неведомые молодильные яблоки – и тут же к себе, в свое время. Вот он – маячок на скафандре, вот она – связь с его миром, его гарантия возвращения.

А таинственный и непонятный Голос его видит!

Антошин приучил себя: если мысли могут породить панику, их надо выкинуть из головы. Вышвырнуть безжалостно и навсегда!

Он еще раз ощупал скафандр: всё на месте. Слава Богу...

Ну вот – опять о Боге...

Смешок.

«Он что – мысли мои читает, что ли, Голос этот?

А почему они Его смешат?»

Говорить с невидимым Голосом было странно. Но молчать тоже было как-то нелепо. И полковник заговорил.

– Я – полковник в отставке Антошин Николай Васильевич, – повторил в который уже раз полковник в отставке Николай Васильевич Антошин. – И никакие сомнения мне не нужны, понятно? Я не для того отправлен в прошлое, чтобы сомневаться. Когда человек прыгает в прошлое, ему незачем сомневаться – ему нужно просто наблюдать. Эти наблюдения будет фиксировать камера. Вот она, в скафандре. У меня есть еще маячок. Вот он, в воротнике скафандра, чтобы в моем времени меня всегда могли отыскать и, в случае опасности, вернуть обратно. Кроме этого, чип-переводчик с любого языка вшит под кожу. Так надежнее. Что еще у меня есть? Запасы еды. В тубиках. И всё. Никакого записывающего устройства, в которое я мог бы заносить свои сомнения, не предусмотрено.

И снова – Голос:

– Записывающее устройство? Смешно... Зачем оно тебе, когда есть воздух? Воздуху и диктуй – он запомнит. Планетникам. Вон их сколько! Разве они забудут то, что ты говоришь?

– Планетники? Это еще кто?

– Демоны облаков, повелители туч. Они давно живут, у них память хорошо развилась за столько тысячелетий. Ты говори, они запомнят. Воздух – он давно существует, – продолжил произносить странные слова Голос. – Ему скучно. Так что ты рассказывай – развлекай воздух.

«Развлекай воздух... Чушь! Бред! Может, мне еще с дождем сплясать: вдруг дождик тоже затосковал? Солнце вот опять же... Не перегрелось ли, случаем?»

Антошину казалось, что он вслух ничего не говорил.

Но Голос его конечно же услышал, произнес строго:

– Шутить так не стоит про Солнце. От Солнца – вся жизнь... Или ты про это тоже забыл? Все, что у человека есть, – это Солнце и дорога, поэтому к ним надо относиться уважительно. Что вы за создания такие, люди? Что не надо – помните, а что необходимо помнить – забываете навсегда!

Мало того, что этот Голос, видишь ли, мысли читает, так Он еще берется судить... «Ты кто такой, чтобы людей судить?» – так и хотелось закричать.

Не кричалось.

Почему Голос не показывается? Что за история странная: Голос есть, а кому он принадлежит – неясно.

Антошин огляделся.

Кругом стоял лес. Густой, непролазный, кричащий, орущий, шелкающий, яркий, изумрудно-зеленый. Цвета в этом древнем мире казались непривычными и насыщенными, будто не уставшими еще от многовекового существования.

А в остальном – неприятный лес. Тревожный какой-то. Недружелюбный.

Полковник Николай Васильевич Антошин был человеком непугливым. И все-таки приятно было осознавать, что в этом явно агрессивном мире он невидим.

Стоп! Но ведь Голос же его видит?

Всё. Не думать! Не думать! Не думать! Не паниковать!

Полковник Антошин не любил непонятного. Оно раздражало его четкий военный ум.

Когда необъяснимое появлялось, хотелось спрятаться. Куда? Только в собственные мысли.

«Полковник Антошин, – размышлял полковник Антошин, – если ты не можешь изменить неприятные обстоятельства, их надо просто не замечать. Разве позабыл ты этот закон жизни человека, работа которого – попадать в неприятные обстоятельства?

Полковник в отставке Антошин, возьми себя в руки немедленно! Войди в ум и там останься. Выйти из ума – означает умереть. А тебя не за тем послали в прошлое из твоего комфортного двадцать первого века, чтобы ты так сразу и умер.

Тебя послали за другим.

Выполняй приказ, солдат!

Надо быстро сориентироваться во времени. В веках, так сказать. В эпохах».

...Полковник Антошин знал, что нужно сделать, оказавшись в неведомом времени, – посмотреть на циферблат с одной красной стрелкой и одной красной же цифрой ноль.

Если стрелка показывала на ноль, значит, прыжок совершен точно и Антошин попал, куда целили те, кто его в это путешествие отправлял. Не дошла стрелка до ноля – значит, недолёт, перешла – перелёт...

Все разумно, понятно и правильно.

Антошин посмотрел на циферблат. Стрелка металась как сумасшедшая, будто стараясь вырваться из плена. То не добегала до ноля, то перебегала, то замирала на нем.

Это было неразумно, непонятно и неправильно. Полковника не предупреждали, как надо поступать в подобной ситуации. Инструкций по этому поводу у него не было.

Мыслей, впрочем, тоже.

И снова возник Голос:

– Мне надо, чтобы ты увидел не конкретные дни и годы, но Время. Мое Время. То, как я вижу его протяженность. Ты должен его понять.

Антошин попробовал возмутиться:

– Я не за тем сюда прыгал из моего двадцать первого века! Меня послали, чтобы я нашел молодильные яблоки, в которых, говорят, заключена тайна бессмертия. И всё. Я должен их найти. А вот это всё: время там, эпоха... Ля-ля... Мне всё это неинтересно.

Казалось, Голос искренно удивился:

– Разве человеку дано знать, зачем он выходит из дома? Выходит за одним – получает другое. Ты разве этого не заметил? Знать свое будущее люди не могут. Но ты не волнуйся, полковник в отставке Антошин Николай Васильевич, будут тебе молодильные яблоки. – Голос замолчал на мгновение, а потом добавил спокойно: – Если выживешь. – Голос вздохнул, как показалось полковнику, печально: – Выживешь – узнаешь...

– А если... – начал полковник.

Голос договорить не позволил:

– Пока – живи! Ты должен увидеть это Время. Прожить его и понять. Полковник в отставке Антошин из двадцать первого века, ты пришел сюда не наблюдать, а жить.

Голос еще не закончил произносить свои, пожалуй излишне патетичные, слова, а Антошин с ужасом увидел, как его скафандр вместе с маячком, с запасами еды и надеждой вернуться обратно в свое время начинает таять, словно сосулька под лучами нахального весеннего солнца.

– Перестань! Что ты делаешь? Скафандр – мой единственный шанс возвратиться на Землю! Ты что? Тут моя еда, моя защита. Я же объяснял! Что ты творишь? Не надо! Нет!

Голос усмехнулся:

– Вернуться на Землю? А разве ты не на Земле?

– Да у нас так говорится: на Землю – значит, домой...

Скафандр на Антошине таял безвозвратно и неотвратимо.

– Тебя ведь никто не звал сюда из твоего двадцать первого века? Раз пришел – живи! Это честно. Живи, а не наблюдай.

Полковник понял, что умолять о чем-то Голос, упрашивать Его, убеждать – пустое дело.

Он только спросил растерянно и беспомощно:

– А как же я теперь на Землю вернусь, ну то есть к своим?

– Выживешь – вернешься.

– Как?! – заорал Антошин. – Без скафандра это невозможно! Меня потеряют на Земле!

Голос повторил:

– Выживешь – вернешься.

«Вот заладил!» – подумал Антошин и тут же пресек свои мысли, вспомнив, что Голос их слышит.

Полковник оглядел себя: белая холщовая рубаша, широкие штаны и сапоги. Надо признать, одежда была хоть и непривычной, но удобной.

Оказаться в чужом и непонятном времени без скафандра, без еды и, главное, без связи со своим временем – это было самое страшное, что только мог себе представить человек, совершивший прыжок в неведомое прошлое.

Но отчего-то жутко не становилось. Более того, не покидало ощущение, что все происходит именно так, как и должно происходить.

– Но ты ведь не оставишь меня здесь навсегда? – спросил полковник. – Ты вернешь меня в мое время?

Ответа не было.

Голос исчез.

Антошин уселся, прислонившись спиной к березе, и задумался.

«Ну и куда же теперь идти? Где искать эти чертовы молодильные яблоки?

Впрочем, искать ли? Зачем, если шанса вернуться домой практически нет, а надежда вся только на этот странный Голос. Даже если это Голос Бога – так что? Ведь надеяться только на Бога – самое ненадежное дело.

Ну, предположим, отыщу я эти яблоки, и куда с ними?

Лишние мысли. Может, правильные, но лишние. Есть приказ, полковник Антошин, и ты должен его выполнять. Вот и всё».

Полковник огляделся. Он сидел в густом лесу – ни дороги, ни тропинки.

За ветками Антошин увидел просвет, туда и пошел, потому что в просвет идти разумней да и приятней, чем в глухую, беспросветную чащу.

Птицы пели радостно-истерично, как им и было положено, и воздух казался каким-то особенным. После давящей и загрязненной атмосферы его времени этот воздух словно имел вкус.

За спиной хрустнула ветка.

Антошин обернулся.

И тут же получил удар в лицо.

Он упал в мягкую траву, нелепо запрокинув голову.

Сквозь кроны деревьев небо казалось поделенным на кусочки.

Антошин попытался подняться, но получил еще один удар и потерял сознание.

2

Начальник охраны полковник Антошин Николай Васильевич любые разговоры считал лишними. Даже с охраняемым лицом предпочитал в беседы не вступать и потому знал о

своем шефе немного – только самое необходимое, но достаточное для того, чтобы хорошо выполнять свою работу.

А работу свою полковник Антошин привык выполнять хорошо.

Охраняемое лицо, по имени Алекс, так и сказал, когда совсем недавно брал его на работу:

– Люди, которым я верю, рассказывали, что вы отлично знаете свое дело. Очень надеюсь убедиться в этом лично. Вопросы есть ко мне?

Вопросов у Антошина не было никогда. А если и находились, полковник предпочитал их задавать самому себе.

В тот злополучный день шеф вышел из кабинета и остановился.

Это было неожиданно. Алекс передвигался по жизни быстро и в приемной своей не задерживался никогда.

Шеф любил повторять: «Если человек передвигается по жизни медленно – значит, ему некуда спешить, а если ему некуда спешить – значит, он не востребован. А если он не востребован – значит, несчастен. Я хожу по жизни, как счастливый человек».

Роста шеф был небольшого, и, пожимая ему руку дважды в день – утром при встрече и вечером при расставании, – Антошин едва заметно пригибался.

Одевался Алекс небрежно – свитер, джинсы. Так одеваются либо очень бедные, либо очень богатые люди.

– Зайдите ко мне, Николай Васильевич, – буркнул Алекс.

За тот месяц, что Антошин работал у шефа, в кабинет его вызывали впервые. Полковник расстроился: из всех возможных разговоров треп с начальством он не любил более всего.

Когда Алекс предложил: «Николай Васильевич, не хотите ли виски или коньяка?» – Антошин почувствовал недоброе. Начальники никогда не будут предлагать выпить прежде, чем сказать что-то хорошее. Раз шеф предлагает спиртное – жди неприятностей.

– Спасибо, на работе я не... – начал Николай Васильевич.

Шеф не дал ему договорить:

– Ну и напрасно. Начальству никогда ни в чем отказывать нельзя. Это оставляет неприятный осадок... К делу. Вас никогда не удивляло, почему я взял вас на работу, хотя прежний начальник охраны прекрасно себя чувствует?

– Насколько мне известно, он пошел на повышение.

– Начальники охраны уходят только на пенсию. – Алекс налил себе виски и залпом выпил. – Я хотел присмотреться к вам, прежде чем поручить ответственное задание. Присмотрелся. Поручаю.

Шеф еще плеснул себе в рюмку.

– Вам надо прыгнуть в прошлое. В шестой век нашей эры. Или в седьмой. А если вам больше нравится цифра четыре, то в четвертый...

– Россия? – зачем-то спросил полковник.

– Разумеется.

О путешествии в прошлое шеф говорил так, словно речь шла о необходимости сходить в магазин.

– Задание необычное, полковник. Речь в данном случае не идет о том, чтобы проверить достоверность тех или иных исторических событий. Речь идет о бессмертии. – Алекс сделал паузу, дабы Антошин мог оценить значимость сказанного, и повторил: – О бессмертии.

Услышанное не то чтобы не радовало, а даже как-то плохо осознавалось.

Конечно, Антошин слышал, что ученые нет-нет да и прыгнут в прошлое, чтобы, например, стать свидетелями какого-нибудь исторического события. Не так давно какой-то умник

прыгнул в конец восемнадцатого века и выяснил, что Сальери вовсе не убивал Моцарта. Все кричали об этом как о сенсации. Что, надо сказать, удивляло и даже отчасти забавляло Антошина: он никак не мог понять, чего так переживать по поводу событий трехвековой давности?

Начальник охраны налил себе виски, отхлебнул и произнес спокойно:

– Не могли бы вы точно объяснить, в чем смысл и суть того задания, которое вы хотите мне поручить? Я военный человек и не могу выполнить приказ, смысла которого не понимаю.

Алекс расхохотался.

– Мне нравится ваше спокойствие, Николай Васильевич. Я не ошибся в вас. Слушайте. Вам предстоит дело очень сложное, но, если у вас получится, вы навсегда войдете в историю человечества. И я тоже. Мы вместе войдем. Речь идет о тайне бессмертия. Вы хотите в нее проникнуть?

Ни на секунду не задумываясь, Антошин ответил:

– Нет.

Ответ неожиданно обрадовал Алекса:

– Вот и хорошо! Не будет лишней романтики. Что вам нужно сделать? Вам нужно, как я уже сказал, прыгнуть в древнюю Русь. Для чего? Объясняю. Там росли молодильные яблоки. По преданию, тот, кто их съест, обретет бессмертие.

– Вы что, верите в этот бред? – искренно удивился Антошин.

Вопрос явно не понравился шефу.

Алекс встал, прошелся по кабинету, снова сел, выпил и произнес жестко, пожалуй даже излишне жестко:

– Люди путают мифы и сказки, Николай Васильевич. Вот проблема. Вы, например, знаете разницу? Не надо отвечать – потратим время. Сказки – это вранье. Мифы – это преувеличенная реальность. Понятно? По глазам вижу, что не до конца понимаете. Николай Васильевич, вы знаете, что я очень богатый человек. Знаете?

Антошин кивнул.

– А вам известно, откуда мое богатство?

– Я стараюсь не перегружать себя информацией, которая не нужна мне для дела, потому что...

Алекс снова не позволил договорить:

– То есть не знаете. Итак, откуда мое богатство? Я что-то украл? Я качал нефть? Я продавал автомобили? Ерунда. Я не умею всё это делать. Я – ученый. Вы знаете миф о «Летучем голландце» – странном корабле, который появлялся непонятно откуда и приносил беду? В историю с «Летучим голландцем» никто не верил – думали, сказки. А я знал: миф! Мне удалось поймать «Летучего голландца»... Не спрашивайте меня как. Это вопрос технологии. Капитану «Летучего голландца» было известно, где лежат затонувшие корабли, включая, разумеется, и те, которые везли клады. Мне удалось его убедить открыть мне эти тайны. Как? Это тоже вопрос технологии и денег. Любого человека можно убедить рассказать то, что тебе нужно, дав ему то, чего ему не хватает. Потому что наш мир так устроен, что в нем всем чего-нибудь обязательно недостает: кому – денег, кому – славы, кому – приключений... Дай человеку то, в чем он нуждается, и он расскажет тебе все, что знает, причем с радостью.

Антошин уже не раз замечал: когда Алекс начинает говорить, он не обращает внимания на того, кто находится рядом, произносит слова быстро, торопясь, будто убегая от погони. И вообще становится очень похож на сумасшедшего. Однако полковник знал: сумасшествие – болезнь бедных людей. То, что у бедных называется «сошел с ума», у богатых именуется «милыми странностями».

– Может быть, вы слышали историю про снежного человека, которого удалось поймать и посадить в клетку? – спросил Алекс и продолжил, не ожидая ответа: – Это сделал я. Демонстрация снежного человека в клетке оказалась довольно прибыльным шоу. Сейчас дрессировщики работают над тем, чтобы заставить его выступать на арене цирка. Задача оказалась трудной. Два дрессировщика уже погибли... Ничего, у других получится. – Алекс на секунду задумался, будто вспоминая, к чему он все это говорил. – Итак, настала пора проверить миф про молодильные яблоки, для чего вам и придется отправиться в прошлое.

Алекс откинулся в кресле и, казалось, впервые сфокусировался на Антошине – ждал ответа.

Полковник молчал. Поскольку прямого вопроса не было, он не видел необходимости отвечать.

Шеф встал, подошел к Антошину и произнес почему-то тихо, едва ли не шепотом:

– Древняя Русь – это некий совершенно удивительный мир. Он существовал по своим законам, и вам, полковник, волей-неволей придется эти законы познать. Помните, Николай Васильевич, что вы попадете в мир, в котором Бога еще нет.

– Там, наверное, были свои боги, – неожиданно для себя сказал Антошин.

Казалось, кто-то продиктовал ему эту фразу.

Алекс расхохотался:

– Вы как себе это представляете? Были одни боги, а потом им на смену пришли другие? Просто пересменка какая-то! А куда ж те делись, на смену которым Этот пришел? А? – Он продолжал смеяться. – Впрочем, с богами сами разберетесь. Прекрасно понимаю, что путешествие опасное. Не за зарплату же вам его совершать. Так вот, за прыжок в прошлое вы получите...

Ручка как бы сама собой очутилась в правой руке Алекса, и таким же непостижимым образом в левой оказался блокнот.

Шеф написал сумму, вырвал листок и протянул его Антошину.

Сумма вызвала уважение.

– Но если вы принесете молодильные яблоки, к этой сумме прибавится еще три ноля.

– Сколько?! – выдохнул полковник.

Алекс словно не слышал вопроса.

– Итак, что же такое молодильные яблоки? Этого не знает никто. Где они растут? Неясно. Как выглядят? Никто не видел. В чем их суть? Это единственное, что про них известно, да и то по этому поводу есть разные мнения. Одни считают: тот, кто их съест, помолодеет. Другие – обретет бессмертие. Что, в сущности, одно и то же. Я, признаться, склоняюсь ко второй версии. Ваша задача – доставить молодильные яблоки сюда. Хотя бы одно. Этого достаточно. Я отдам его своим химикам, они узнают его состав, после чего я стану хозяином бессмертия. Надо ли вам объяснять, что бессмертие очень дорогой товар? Вопросы есть?

Антошин никак не мог поверить в реальность происходящего: он должен отправиться в какую-то древнюю Русь, за дурацкими молодильными яблоками!

Однако листочек был вполне реален. Как и цифра, выведенная на нем.

Антошин налил себе виски и спросил, сам не зная зачем, может быть, для того только, чтобы время потянуть:

– Вы что, всерьез верите во все это?

Алекс посмотрел на Антошина. В глазах этого человека читалась отчаянная злая сила.

– Я дарю вам эту бумажку с цифрами, она вас будет вдохновлять, – без тени улыбки произнес Алекс. – Это первое. Второе. Я верю во всё, неприсутствие чего не доказано. Слово «неприсутствие» вас не смущает? Отлично! Если вы принесете мне доказательства того, что молодильных яблок нет, сумма увеличится на один нолик, принесете яблоки – на три. Это

понятно? Вовсе ничего про них не узнаете – сумма не увеличится. Отправляться необходимо сразу после того, как получите необходимые инструкции. Вы же в прошлое, насколько мне известно, не прыгали никогда?

– Бог миловал... – вздохнул Антошин.

– Помилует и на этот раз, – позволил себе улыбнуться Алекс. – Если Он, конечно, миф, а не сказка... Аванс я перечислил на ваш счет, можете проверить. У вас, если не ошибаюсь, есть сын?

– А что?

– Если вы не вернетесь из этого путешествия, – а такое, должен вас предупредить, вполне вероятно, – я позабочусь о нем, можете не волноваться.

Алекс подошел к Антошину и произнес тихо:

– Николай Васильевич, вы мне искренне симпатичны, правда. Если вы вернетесь с яблоками, вам не надо будет думать о том, как прожить свою старость, понимаете? Но я прошу вас, полковник Антошин, прошу искренне: будьте там осторожны! Это странный мир. В мире, где нет Бога, возможно всё. Помните об этом и возвращайтесь. Я буду вас ждать. Редкий случай, когда бы я очень хотел заплатить человеку максимальную сумму. Понимаете меня? Так что вы там как-то... Не знаю... Осторожнее с жизнью своей, что ли... В смысле не часто рискуйте. – Алекс усмехнулся. – Кстати, многие склонны считать, что Бог – это сказка. Но вы-то, надеюсь, понимаете, что это – миф, и даже больше чем миф?

Антошин решил, что разговор окончен. Взгляд его упал на бумажку с соблазнительными цифрами.

– По рукам? – улыбнулся Алекс.

Антошин пожал протянутую руку, а потом сказал:

– А что я еще и умею-то, кроме как жизнью рисковать? Ничего. Значит, придется использовать это мое умение: выхода нет. И потом, а вдруг молодильные яблоки – это миф, а не сказка? Вдруг я сумею понять тайну бессмертия, а? Было бы неплохо. В моем возрасте приятно делать то, чего не делал никогда.

Алексу явно было неинтересно слушать не имеющие к делу рассуждения своего начальника охраны. Он поднялся, ни говоря ни слова, дошел до двери, открыл ее и только после этого бросил:

– Вам не надо говорить пафосные речи: не получается у вас. – И, уже выйдя в приемную, добавил: – Контракт подпишете у начальника отдела. Я очень прошу вас поторопиться...

И шеф убежал, оставив начальника охраны в своем кабинете.

Антошин подумал нехотая, что впервые в жизни получил такое задание, которое не представляет не только как выполнять, но и где.

3

И вот он, полковник в отставке Николай Васильевич Антошин, лежал непонятно в каком времени, неясно в каком месте и с печалью оглядывал окружающий его мир.

Мир этот оптимизма не внушал.

Антошин готовился к тому, чтобы невидимым ходить по непонятному миру, есть невкусную, но полезную еду из тубиков и искать молодильные яблоки.

Вместо этого он валялся в углу какой-то пещеры. Руки и ноги его были так крепко связаны, что казались приклеенными к телу. Хорошо, что эти люди, более всего похожие на разбойников, бросили полковника лицом к внутреннему пространству пещеры, а не к стене: Антошин мог видеть, что тут происходит.

Тусклые светильники неохотно освещали довольно большую пещеру. Посредине догорал костер, на котором жарилась туша животного. Вокруг костра сидели люди. Их грязная одежда и небритые лица доверия не вызывали.

В пещере стояла тишина, нарушаемая лишь потрескиванием масляных светильников да чавканьем едоков.

Где-то в глубине монотонно и противно цокали капли воды.

Антошин совершенно не представлял, как он сможет выбраться из своего плена, но погибать в самом начале путешествия было совсем нелепо.

Хотя... Если учесть невозможность возвращения домой, это, может быть, не самый плохой вариант?

Но приказ... Полковник Антошин не мог себе позволить его не выполнить. Собственно говоря, единственное, что заставляло его сейчас существовать, – это обязанность выполнить приказ. По-другому он не мог. Не мог – и всё.

Один из разбойников сидел отдельно от всех остальных, ближе к центру. Полковник понял: это вожак. Предводители всех народов и времен всегда стремятся сидеть отдельно и поближе к центру.

Вожак был одет так же, как все. Он вообще мало чем отличался от остальных, если не считать огромной бороды, в которой утопали и глаза, и рот, и нос. Борода с узким лбом – вот что такое было лицо этого человека.

Разглядывать грязных разбойников становилось скучно. От тоски, безысходности и скуки Антошин начал уже засыпать, как вдруг услышал голос предводителя.

Тот произнес только одно слово:

– Гордость.

В этот момент Антошин понял, что чип-переводчик, вшитый в него, не исчез вместе со скафандром.

Разбойники сразу оживились, заулыбались, начали оглядываться на Антошина.

Один из них подошел к туше животного, отрезал кусок и бросил его полковнику.

Кусок упал сантиметрах в пятидесяти от Антошина.

От мяса шел соблазнительный запах, а тающий жирок по краям заставил полковника слотнуть слюну.

Он потянулся было за мясом, но вдруг понял, что придется ползти за ним на глазах у разбойников, а потом есть кусок прямо с земли, без помощи рук, как собака. Нет, он не доставит этим людям удовольствия смеяться над собой.

Разбойники внимательно наблюдали за ним, а когда полковник замер, облегченно вздохнули и разом отвернулись.

Один из них подобрал предназначавшийся Антошину кусок мяса, вышвырнул его из пещеры.

Вожак вздохнул:

– Гордый человек... Он не может быть нашим рабом. Гордый человек не может быть рабом. – Он оглядел всех и спросил мрачно: – Кому?

«Неужто они решают, кому из них я достанусь? – пытался понять происходящее Антошин. – Хотелось бы знать: в качестве кого? Уж лучше б я съел этот чертов кусок мяса, стал бы рабом. Раб ведь всегда может убежать».

– Кому? – повторил вожак свой неясный вопрос.

Сначала встал один разбойник, молодой. Это был огромный человек, будто сложенный из квадратов. Голова – квадрат, туловище – квадрат, даже ноги и те казались квадратными.

Следом вскочил еще один – старый, тщедушный, с испуганным взглядом.

– Зачем? – спросил вожак, обращаясь к молодому.

– Мое дело, – ответил тот. Но, поймав недовольный взгляд вожака, добавил: – Боровой.

Вожак утвердительно покачал головой, как бы показывая, что ему все ясно.

Антошин не понимал ничего, кроме главного: ему совсем не нравилось начало его путешествия.

– Зачем? – спросил главный, обращаясь теперь к пожилому.

– Тебе ведомо зачем... – вздохнул пожилой. – Мне нужна новая кровь: у меня иссякают силы. Ведьмы ведают, как приготовить зелье, которое омолодит меня. Для приготовления зелья нужен гордый человек, ты знаешь. Нужна его кровь. Кровь гордого человека.

«Ничего себе! – вздрогнул Антошин. – Все идет к тому, что я стану послеобеденным развлечением и меня будут разыгрывать в непонятной игре».

Вожак вздохнул и спросил:

– Бык – в яме?

Вопрос почему-то обрадовал разбойников: они загалдели, заулыбались – в общем, начали вести себя как люди, предчувствующие хорошую забаву.

Пожилой разбойник недовольно пробурчал:

– Это нечестная игра. Ведь заранее известно, что я проиграю. – Старик внимательно оглядел своего молодого соперника и твердо произнес: – Я ведь не смогу его победить.

Разбойники печально затихли.

Их мрачный предводитель задумался, почесывая свою огромную бороду.

Борода зашевелилась – вождь заговорил:

– Почему нет? Ведь не только сила, но и ум. Ум и сила. Так?

– Так! Так! – радостно закричали разбойники и потянулись к выходу из пещеры, повторяя на все лады: – Ум и сила! Ум и сила!

Один из них легко, словно полковник был игрушечный, взвалил на плечи Антошина и вынес его из пещеры.

Лес шумел так неистово, будто всему миру: небу, солнцу, воздуху – всем хотел сообщить о своем существовании.

Лучи солнца скромно пробивались сквозь листву не для того, чтобы принести в мир духоту, но для того, чтобы сделать его цветным.

Короче говоря, мир намекал на то, что все будет хорошо. И это казалось Антошину подозрительным.

Разбойники пришли на поляну, посреди которой зияла огромная яма. В яму вела то ли сколоченная, то ли связанная наспех деревянная лестница.

Один из разбойников горящим факелом прочертил над ямой знак. Из глубины раздался рев животного.

Разбойники удовлетворенно загалдели.

– Жив! Жив! Жив! – послышалось в разных концах поляны.

Опутанный веревками полковник лежал под сенью огромного дерева и думал, что все это очень похоже на приключенческий фильм. Если бы он смотрел его дома на диване, а не здесь, под деревом, было бы даже интересно, чем дело кончится.

Разбойники расселись вокруг ямы.

Предводитель вышел вперед.

– Ты! – Он указал на молодого разбойника. – И ты! – Указал на пожилого. – Вы оба жаждете гордого человека.

Два разбойника отделились от остальных, как бы показывая, что они станут главными лицами действия, суть которого полковнику пока оставалась абсолютно неясной.

– Мы принесли сюда гордого человека, чтобы он сам видел: игра будет честной, – продолжил предводитель разбойников. – Тот из вас, кто победит в игре, получит гордого

человека. – Разбойники одобрительно зашумели. – Игра будет честной... Вы знаете правила: надо спуститься в яму и вынести оттуда быка.

– Да! Да! Так! Так! – закричали разбойники.

Более всего они походили сейчас на футбольных болельщиков.

– Ум и сила! – закричал вожак.

– Ум и сила! – эхом откликнулись разбойники.

Вожак прошелся вокруг ямы.

Бык внизу затих. Он, так же как Антошин, видимо, ждал продолжения событий и, так же как полковник, ни на что хорошее не надеялся.

– Начнешь ты. – Предводитель показал на младшего. – Потом – ты. – Жест в сторону более пожилого. – Каждый должен вытащить быка из ямы. Как хотите. Как можете. Тот, у кого получится лучше, возьмет гордого человека.

Разбойники радостно завопили:

– Так! Да! Так!

«Меня разыгрывают в быка!» – усмехнулся про себя Антошин.

Квадратный парень прыгнул в яму и исчез.

Разбойники вскочили, подошли к самому краю, наклонили головы.

Бык нервничал, перебирал ногами, наклонял свою рогатую голову. Но в узком пространстве ямы он ничего не мог сделать против огромного человека.

Парень два раза ударил быка между рогами, и бык затих, поняв: бороться с этим человеком да и вообще с этим миром – дело абсолютно бессмысленное.

Бык был голоден и слаб. Ему надоела жизнь, которая не предлагала ему ничего хорошего. На что нужна такая жизнь?

Бык позволил разбойнику залезть под себя. Парень взвалил огромное животное на плечи и под одобрительный гул начал подниматься с ним из ямы по шаткой лестнице.

На последней ступеньке квадратный человек чуть зашатался.

Толпа ахнула.

Нога молодого разбойника уже замерла над землей...

Как всякому усталому пленнику, быку вовсе не хотелось на свободу. Он уже привык к своей яме. Конечно, там не было простора, но зато там было какое-то подобие жизни. А что его ждет на этом самом просторе, еще неизвестно. Бык привык не ждать от жизни ничего хорошего, он не любил изменений.

Животное инстинктивно подалось назад. Этого движения оказалось достаточно, чтобы парень не удержался и рухнул в яму вместе со своей ношей.

Толпа радостно закричала.

От отчаяния парень ударил быка ногой по костлявому боку и выскочил из ямы.

Он проиграл. Он стал неинтересен. Все смотрели на пожилого разбойника, который занимался странным делом – рвал траву.

«Все ясно, – понял Антошин, – он хочет выманить быка. Отлично!»

Перспектива остаться один на один с парнем, который поднимает на своих плечах быка, Антошина не радовала. Лучше уж стать пленником старика, остаться с ним один на один, а там уж...

Со стариком-то он справится! Полковник Антошин Николай Васильевич не позволит, чтобы из его крови варили что-то там омолаживающее.

Старик набрал травы и спустился в яму.

Обессиленный бык лежал на дне и усталыми глазами смотрел в пустоту. Глядел мимо человека, мимо ямы, мимо столпившихся наверху разбойников, мимо леса, мимо мира – в себя. Животное даже не пошевелилось, когда старик подошел к нему.

Старик склонился над быком и начал что-то шептать ему на ухо. Шептал долго. Но вот наконец бык перевел на него свой мутный взгляд.

Разбойники стояли по краям ямы, понимая, что на их глазах вершится некое таинство.

Старик улыбнулся, протянул животному пучок травы. Бык схватил траву быстро, но с достоинством.

Разбойники попытались выразить свой восторг, но старый разбойник жестом остановил их.

Он протянул к носу быка траву и сделал первый шаг спиной по лестнице.

Подумав недолго, бык поднялся. Он знал: еда – самое главное в жизни, за ней всегда надо идти, хоть на волю, хоть в просторы, хоть куда. Без еды умрешь.

И снова попыталась зашуметь толпа. И снова старик остановил ее повелительным жестом.

Лишь по реакции толпы и мог понять Антошин, что там происходит, и молча молил непонятно кого: «Только бы у старика получилось! Только бы у него вышло!»

Бык не умел ходить по лестнице. Но голод был сильнее любых неумений. Огромное отощавшее животное начало медленно подниматься.

Все поняли, что старик победит и гордый человек, валяющийся под деревом, будет отдан ему. Разбойники были убеждены в этом.

Все, кроме одного.

И когда бык начал свое странное восхождение, тот самый парень, который только что проиграл, проскочил между окружившими яму товарищами и изо всей силы толкнул лестницу.

Бык рухнул на дно ямы, старик упал на него, вцепился в шею животного и зарыдал.

Вождь подошел к молодому парню.

«Сейчас он его убьет, – подумал Антошин. – Это же подлость, а не честная игра! Он убьет молодого за подлость, я достанусь пожилому. Все сбудется, как я хотел».

Но предводитель разбойников улыбался широко и радостно. Даже тень гнева не омрачила его лица.

– Ты победил! – выкрикнул он и обнял молодого. – Молодец! Все видели, что ты почти вынес быка. И главное, ты не позволил другому победить себя!

Разбойничья логика...

Антошин прикусил губу, чтобы не заорать от отчаяния.

Старик вылез из ямы, подошел к молодому, обнял его и произнес сквозь слезы:

– Сегодня ты сильнее! Сегодня ты победил!

«Ужасные люди! Ужасные законы! Ужасная жизнь!» – Антошин перевернулся на другой бок, чтобы не видеть разбойничьего ликования.

Впрочем, разбойники радовались недолго. Представление закончилось, победитель определился, и они пошли в пещеру, видимо, как-то по-своему, по-разбойничьи отмечать это событие.

Ушли все. Кроме квадратного человека.

Человек подошел к Антошину, посмотрел на него. Наверное, этот свой взгляд он считал ласковым.

– Теперь ты мой, гордый человек! Мой! Я отдам тебя Боровому в жертву, и за это Боровой сделает хозяином леса меня. Меня!

Антошин понятия не имел, кто такой Боровой, но быть его жертвой не хотелось абсолютно.

Полковник посмотрел на квадратного человека. Снизу он казался еще огромнее. Шансов сбежать от него не было никаких.

4

Разбойник рывком поставил полковника на землю. Потом обошел, будто раздумывая, что делать с ним дальше.

Полковник Николай Васильевич Антошин бывал в разных передрыгах. И на войне, и в то время, которое опрометчиво считали мирным. Он знал, что почти с любым человеком всегда можно договориться. Однажды ему даже удалось уговорить сумасшедшего фаната, взявшего заложников, отпустить ни в чем не повинных людей. С кем он только не договаривался за свою жизнь!

Но сейчас полковник Николай Васильевич Антошин прекрасно понимал, что с этим молодым разбойником договориться будет невозможно.

Одним рывком разбойник порвал веревки на ногах пленника, подтолкнул Антошина в спину: иди, мол.

На затекших, будто чужих ногах полковник двинулся мимо ямы и зачем-то заглянул в нее.

Бык лежал на самом дне. Он поднял голову и, как показалось полковнику, понимающе посмотрел на него.

Положение быка и Антошина было, конечно, похоже. И все-таки у полковника, в отличие от животного, был шанс, которым он собирался воспользоваться. Ничтожный, конечно, шансик, но все-таки был.

Бежать!

С руками, привязанными вдоль тела, это будет сделать очень сложно. Но так вот, без всякого сопротивления, отдавать себя в жертву какому-то неведомому Боровому не годится.

Ноги, которые поначалу вообще отказывались идти, постепенно обретали силу.

Полковник понял, что больше ждать нечего, и бросился напролом через кусты.

Гигант нагнал его мгновенно, но Антошин этого ждал: он рухнул на спину, своими ногами захватив ноги разбойника.

Тот не ожидал нападения и повалился. Антошин вскочил и прыгнул на спину квадратному человеку. Разбойник взвыл от боли.

Что есть силы полковник ударил его ногой в лицо. Попал, видимо, куда надо: кровь хлынула на зеленую траву.

Квадратный человек был силен, но неловок: дрался он плохо. Антошин понял, что шансы на спасение растут.

Полковник размахнулся, чтобы стукнуть еще раз, и... почувствовал сильный удар сзади по шее, а потом по голове...

Когда Антошин пришел в себя, перед ним на траве сидели двое: молодой разбойник и старый.

– Да-а... – уважительно протянул старик. – Гордый человек! Очень гордый!

– Ага, – согласился молодой, вытирая кровь с разбитой губы. – Гордый человек, хороший.

Антошин с удивлением понял, что в голосе того, кого он только что избил, не слышно было ни обиды, ни злобы. Разбойники обсуждали полковника, словно бифштекс к ужину.

– Такой человек должен понравиться Боровому, – заключил старик.

«А может, они действительно хотят приготовить из меня ужин? Может, Боровой – это людоед и меня отдадут ему на съедение?» – пришла в голову полковника ужасная мысль, и он тотчас почувствовал, как противный холодный пот потек по позвоночнику.

Разбойники помолчали еще немного, а потом молодой спросил у пожилого:

– Ты откуда вообще тут взялся?

– Мы решили: один человек может не суметь принести жертву. Надо помочь. Помочь тебе должен я, потому что я проиграл.

Антошин понял: это – конец. Он не найдет молодильные яблоки. Он не узнает тайну бессмертия. Он никогда не вернется в свое время. Он никогда не увидит сына. Бороться с миром, в котором проигравший радостно помогает победителю, невозможно.

– Для того чтобы принести жертву, нужен жрец, – сказал пожилой.

Молодой переспросил:

– Жрец?

– Да, жрец. – Пожилой говорил медленно, словно не привык произносить сразу так много слов. – Тот, кто приносит жертву, – жрец. Поэтому он так и называется.

Эти слова явно взволновали квадратного человека.

Он поднялся, несколько раз кругами обошел лежащего Антошина, потом произнес:

– Люди леса живут по своим законам. Гордый человек – мой подарок Боровому. Боровой страшный. Боровой злой. Мой подарок усмирит его, обрадует. Тогда, может, и не понадобится никакой жрец.

«Точно: Боровой – это людоед! Нет сомнений...» – понял Антошин. Он поднял глаза на пожилого и заорал:

– Ты – старый идиот! Ну почему ты ударил меня, а не его? Почему ты не добил его, когда он валялся тут, среди леса? Почему? Ты мог бы убить его, а потом отвести меня, куда ты там хотел, чтобы омолодиться. Ну почему, почему ты так не сделал?!

Оба разбойника смотрели на Антошина удивленно.

– Гордый человек умеет разговаривать... – печально вздохнул молодой.

– На нашем языке... – подтвердил пожилой.

Они помолчали, и пожилой заметил:

– А ведь он инородец. Инородец – немой, а этот разговаривает.

– Почему думаешь, что инородец? – спросил молодой явно без любопытства.

Пожилой ответил:

– Только инородец может предложить проигравшему напасть на победителя... Инородец, который совсем не знает, как надо жить.

– Дикие люди. Нам никогда не понять законы инородцев, – подытожил молодой и спросил: – Боровому нужен живой человек или мертвый, как ты думаешь?

Пожилой задумался.

Антошин замер.

Пожилой думал, казалось, вечность, потом сказал:

– Живой лучше мертвого. Это закон.

Значит, часы его жизни хоть и ненадолго, но продлятся.

Разбойники подняли Антошина, привязали к дереву.

– Ты не боишься звать нечистую силу? – спросил пожилой. – Может быть, сначала ты попросишь прощения у наших богов?

Этот вопрос снова заставил молодого разбойника занервничать. Он вскочил, начал ходить туда-сюда, даже сорвал несколько ягод земляники и съел их, отчего губы его стали красными, словно у вурдалака.

Наконец он подошел к пожилому и начал говорить, почему-то не поднимая глаз:

– Я скажу тебе, зачем мне нужен Боровой. Только тебе скажу. Я не верю нашим богам: они не помогают мне. А Боровому верю. И он мне поможет. И сейчас. И после смерти. Пусть он страшный, огромный, злой. Но он – хозяин леса. А я – часть леса. И потому он пособит мне. Мы – лесные люди. Значит, всякая сила, которая живет с нами в лесу, – чистая.

Пожилой выдохнул:

– Ты – победитель, значит, ты прав. А тебе известно, как нужно призывать Борового, чтобы он пришел и принял жертву?

Молодой не ответил. Снова зашагал, еще съел земляники, потом подошел к огромному дубу, обнял его и закричал:

– Боровой! Хозяин леса! Я привел тебе гордого человека! Возьми его, Боровой! Он – твой! Я не боюсь тебя, Боровой! Ты – мой хозяин! Ты – хозяин леса, а я часть его! Ты – властелин деревьев, а я – одно из них! Приди! Возьми гордого человека! Ты – хозяин леса, а я – часть его, – повторял молодой. – Приди!

– Ты – властелин деревьев, а я – одно из них, – вторил ему пожилой. – Приди!

Вдруг среди деревьев Антошин заметил человеческую фигуру. Он присмотрелся...

Не может быть!

Сквозь листву, осторожно отводя ветки, к Антошину приближалась абсолютно обнаженная женщина.

Но потрясло полковника не то, что она была обнажена, – в этой стране он уже был готов к чему угодно, – и даже не то, что она была очень хороша собой.

Невероятным... Да что там невероятным! Просто невозможным казалось то, что женщина эта, как два листа на дереве, была похожа на...

Нет! Не может этого быть! Бред! Чушь!

Видение... Это видение, точно! Конечно, видение... Мираж! Несомненно, несомненно – мираж! Почему в пустыне могут быть миражи, а здесь – нет?

Но она была такая реальная, такая близкая, такая...

Ирэна!

«Так, спокойно, полковник. Еще раз войди в ум. Немедленно и навсегда».

Антошин пытался сосредоточиться.

«Ирэны нет и быть не может. Нигде! Даже здесь, в этом странном мире, ее быть не может!

Ее сбил пьяный водитель несколько веков тому назад. Или вперед? Не важно.

Она умерла. Погибла. Она всегда неосторожно переходила улицу, а тут – пьяный водитель.

Она лежала в гробу, словно спала.

Сын все спрашивал у тебя, полковник: «Где мама?» И ты не знал, что ему ответить.

Ирэны не было. Физически ее не существовало. Хотя, безусловно, ты все время думал о ней. Память об Ирэне стала частью тебя.

Но при чем тут память? Физически ее быть не может. Не может!

Или ты думаешь, что, умирая ТАМ, приходят СЮДА?

Это уже не мистика, полковник Антошин, это просто бред. Бред человека, который никак не может взять себя в руки».

...Ирэна шла сквозь листву.

Мираж. Видение. Невозможность. Нереальность. Фантастика. Не мистика, а бред.

Но – черт возьми! – Ирэна шла сквозь листву.

Антошин заметил шрам у нее под грудью. Маленький шрам, полученный ею в детстве... Шрам, который Антошин так любил целовать.

У Николая Васильевича Антошина был сын. У сына, разумеется, была мама.

У Николая Васильевича Антошина была жена. Одна. Любимая. Так случается: одна любовь – и на всю жизнь.

Когда полковник увидел ее впервые, он взмолился:

«Боже, сделай так, чтобы я прошел мимо нее! Именно из-за таких женщин мужчины сходят с ума, бросают профессию, кончают с собой. Из-за таких».

Но Бог никогда не помогает влюбленным избежать любви.

Понять, а тем более описать, за что мужчина полюбил женщину, – невозможно. Вдруг – всегда вдруг, не подготовишься! – появляется женщина, которая перекрывает собой весь мир. Какие еще подробности нужно описывать?

Их роман длился четыре года. Четыре года вместе с Антошиным жила женщина, при взгляде на которую у него начинало бешено колотиться сердце, а во рту становилось так сухо, словно накануне он страшно напился.

Николай Васильевич Антошин – солдат, для которого опасность была смыслом существования, – вдруг начал бояться.

Он боялся только одного: что однажды Ирэна испарится из его жизни. Потерять Ирэну – это было куда хуже, чем потерять жизнь. Потерять Ирэну означало потерять смысл жизни.

И когда Ирэна сказала, что беременна, Антошин обрадовался невероятно. И не только тому, что у него родится сын (а в этом полковник был абсолютно убежден), но, главное, он понял: теперь-то эта женщина навсегда останется рядом с ним.

Она погибла, когда их сыну было два года.

После нее у Антошина не было любимых женщин. Нет, дамы всякие, конечно, появлялись: красивые, умные, великолепные, несчастные, одинокие, сумасшедшие – разные.

Только вот такой, при взгляде на которую сердце начинало бы бешено колотиться, больше не возникло в его жизни.

И вот теперь через лес к нему шла Ирэна, улыбаясь Антошину своей удивительной улыбкой. Улыбкой, которую полковник никогда не забывал, абсолютно точно зная, что больше ее не увидит.

Антошину вдруг стало неловко за Ирэну, ведь сейчас разбойники увидят ее обнаженной...

Занятые своей странной молитвой, разбойники заметили Ирэну, лишь когда та подошла совсем близко.

Ужас сковал их.

Несколько секунд – Антошину показалось: вечность – они стояли прижавшись друг к другу, не в силах сдвинуться с места. Потом медленно, не сводя с Ирэны глаз, спиной двинулись в лесную чащу, повторяя шепотом одно странное слово:

– Боровуха! Боровуха!

Когда лес уже почти скрыл их, они развернулись и опрометью бросились бежать. Долго еще в птичий гомон леса врывается треск сломанных веток.

Кто такая Боровуха? При чем тут Ирэна?

Черт возьми, но ошибки быть не могло! Перед полковником стояла его жена, улыбаясь так, словно ее вовсе не удивляет их невероятная, совершенно невозможная встреча.

Она пришла, чтобы спасти его. Она ведь так его любила! Почувствовала, что ему грозит смертельная опасность, и пришла.

Его ведь предупреждали: здесь может случиться что угодно.

А почему, собственно, это «что угодно» должно быть только плохим?

5

Ирэна начала распутывать веревки, которыми был связан полковник. Она распутывала их не как мираж, а как обыкновенная женщина, орудуя то ногтями, то зубами.

Боровуха? А что может значить это слово? Волшебница? Ведьма? А может, это вообще не имя никакое, а ругательство?

А что? Боровуха! Вполне годится для ругательства. Надо запомнить.

Но какая же она Боровуха... Нет, у нее всегда было иное имя.

Антошин внимательно и без смущения разглядывал свою спасительницу. Никаких сомнений – это была Ирэна: ее длинная шея, маленькая грудь, длинные, чуть полноватые ноги. И шрам под грудью. Тот самый.

Что-то, правда, смущало, но вот что именно – Антошин не мог понять. Да и вообще трудно предаваться размышлениям, когда тебя сначала едва не отдали в жертву, а потом, вместо этого кошмара, к тебе пришла женщина, которая – ты был в этом уверен! – потеряна для тебя навсегда.

Как только освободились руки, Антошин дотронулся до Ирэны. Она была теплая, близкая, живая.

Ирэна улыбнулась.

– Почему ты молчишь? – спросил полковник, помогая женщине развязывать веревки на ногах.

Ирэна не говорила. Только улыбалась такой знакомой, такой родной улыбкой.

Черт возьми, это была ее улыбка! Антошин не спутал бы ее ни с какой другой.

Полковнику ужасно захотелось услышать голос любимой, но Ирэна, кажется, не собиралась разговаривать вовсе.

Наконец Антошин был свободен.

Он взял женщину за руки и снова спросил:

– Ну почему, почему ты молчишь?

Ирэна смотрела на него влюбленными глазами – так, как она смотрела всегда. Этот обезоруживающий взгляд нельзя было спутать ни с чьим иным. Вообще женщины боятся смотреть так откровенно на своих возлюбленных. Ирэна не боялась.

– Скажи хоть словечко! – взмолился Антошин.

Женщина молча взяла его руки и его руками обняла, обвила себя.

Антошин почувствовал давнее, никогда не забываемое тепло.

Это была Ирэна. Его Ирэна.

По-прежнему улыбаясь, женщина вывела полковника на поляну.

Солнце стояло высоко. Его лучи ударяли о листья деревьев и разбивались на маленькие огоньки. Было ясно, что там, над кронами деревьев, должна стоять удушающая жара, но здесь, на небольшой полянке, было даже прохладно и весело от прыгающих золотых лучиков.

Ирэна легла на траву.

– Ну почему ты молчишь?! – почти уже закричал полковник.

Вместо ответа Ирэна чуть привстала и взяла его за руку.

Сердце выскакивало из горла. Во рту – Сахара. Ладони предательски увлажнились.

Антошин смотрел на свою Ирэну сверху вниз.

Ирэна обняла его, прижалась.

И не было уже ни сомнений, ни мыслей.

Прыгнув в эту странную страну, он снова нашел женщину, о возвращении которой даже не мечтал.

Антошин погладил Ирэну по волосам, посмотрел в ее – конечно же ее! – глаза.

– Ну скажи, скажи мне хоть что-нибудь! – взмолился он.

Ирэна молчала. Улыбалась и молчала.

И тут раздался незнакомый мужской голос:

– Ну что ж это такое! Опять ты за свое!

Ирэна вскочила и мгновенно растворилась в чаще леса.

Перед Антошиным стоял огромный толстый бородатый мужик в зеленом кафтане и зеленой шапке.

– Меня ж звали – не тебя! – крикнул мужик в глубь леса. – Чего ж ты-то примчалась? Я тебе сколько раз говорил: будешь с первым встречным вести себя неприлично – выгоню из леса. Даром, что жена! Выгоню!

Неужели это и есть тот самый страшный и таинственный Боровой, которого звали разбойники? Людоед Боровой, которому его хотели принести в жертву?

А почему он называет Ирэну своей женой?

Или все-таки... Обман? Такой жестокий, ужасный обман? Мираж? Видение?

Но она же была рядом? Ирэна! Он чувствовал ее! Не может быть ошибки!

Полковник покосился на Борового.

Он действительно был огромен, но при этом совсем не казался страшным. Из-под густых черных бровей на мир смотрели глаза пожилого уставшего человека.

– Куда пошла-то?! – крикнул Боровой в чащу леса.

И тотчас оттуда вышла красивая молодая женщина с длинными белыми волосами. На ней был яркий зеленый сарафан, украшенный ожерельем из орехов и листьев.

– Да ладно, муженек, ты не злись... – вздохнула она. – Это ж я так – от тоски. Вижу: человек. Смотрю: женщину свою страсть как любил. Ну, я ею и прикинулась.

Это был чужой голос. Не Ирэны. Да и сама красавица больше не напоминала погибшую жену полковника.

Боровой посмотрел на Антошина:

– Любил, что ли, женщину свою?

– Да, – буркнул ошалевший Антошин.

– Куда дел женщину?

– Погибла.

– Не уберег, значит. – Боровой присел на корточки, загородив собой весь белый свет. – Ну, если любил, неужто не понял: женщина – это ж не только тело, правильно? Что ж ты

неосторожный-то такой? Всяк знает: Боровуха – ну, жена моя то есть – может прикидываться женой путника. Ты – путник?

– Угу.

– Вот я и говорю. Идешь-то издалека?

– Да.

– Ну, так что ж ты, путник, идущий издалека, не знаешь разве, если б у вас тут с Боровухой моей любовь случилась, ты бы тут же и помер, к возлюбленной своей отправился, в Вырий. Спасибо, я подоспел.

«Куда?» – хотел спросить Антошин, но решил лишних вопросов не задавать. И так в себя он приходил с трудом.

– Я просто пошутить хотела... – начала было Боровуха.

– Цыц! – прикрикнул на нее Боровой. – Знаю я твои шутки. Из-за тебя меня люди бояться стали. А ты – тоже... – Он махнул на Антошина своей огромной рукой. – Любимая женщина – она ж светиться должна изнутри... А эта? Срам один. Да и родинок на ней нет. Ты что, не заметил, что на ней нет родинок? – с некоторым удивлением спросил Боровой. – Родинки – человеческие метки, у моей их быть не может.

«Вот что меня смущало! – понял Антошин, тут же вспомнив родинки своей возлюбленной. – У нее родимых пятен нет! Ну и мир тут у них! Ну и законы! Главное, с ума не сойти...»

Боровой встал, подошел к Боровухе:

– Слышишь ты, жена, эти свои глупые игрища-то брось! Дубом Перуновым клянусь: выгоню из леса-то! Куда это годится, чтобы хозяина леса люди боялись?

«Нормальный вроде человек, – подумал Антошин. – Или не человек? Но все равно – нормальный. Зря разбойники пугали: он не злой совсем. И не людоед. Уставший он. Злые люди редко бывают уставшими».

Боровой снова повернулся к полковнику:

– Твоя-то не чудила?

– Нет.

– Повезло... А идешь-то куда?

«Действительно, – подумал Антошин, поднимаясь, – куда я иду? Ах да – за молодильными яблоками я иду. Вот куда. Что-то там про бессмертие узнавать».

– Молодильные яблоки ищу.

Боровуха захохотала так, что сидящая на ветке маленькая птичка в ужасе взлетела к самым небесам.

Боровой строго цыкнул на жену. Ее смех тут же оборвался.

Боровой спросил без тени иронии:

– Бессмертием интересуешься?

– Да вроде... Вы не знаете случайно, где молодильные яблоки отыскать можно?

И снова захохотала Боровуха. И снова взглядом своим оборвал ее смех Боровой.

Сказал, обращаясь к Антошину:

– Я перед тобой вроде как виноват... Ну, из-за жены моей, шутницы... Помочь бы тебе очень хотел... Но где молодильные яблоки искать – не ведаю.

– А кто ведает?

– Ведьмы... Ведьмы потому и ведьмы, что ведают. Ты, путник, видать, очень издалека идешь и наших законов не знаешь. А у нас тут все просто: Боровой лесом командует, Водяной – водой, ведьмы – ведают, жены – чудят... У вас не так, что ли?

Антошин задумался и ответил:

– У нас не так.

– Плохо у вас тогда. Потому что где порядка нет, там беспорядок. Вот с молодильными яблоками беспорядок и получился. Раньше они на острове Буяне росли, а как остров-то утонул – где искать? То-то и оно... Только ведьмы знают.

– А ведьму как найти?

И снова его вопрос вызвал взрыв хохота у Боровухи.

– Ну чего ты как лошадь? – пристыдил жену Боровой. – Человек издали идет, не понимает многого. Путник, одно слово. А кто знает, где путь его начался. – Боровой посмотрел на жену зло: – Я тебя, жена, пожалуй, Домовому отдам. Чтобы ты в доме сидела и жизнь человеческую наблюдала, училась чтоб.

Боровуха удивилась:

– У людей, что ли, учиться? Чему у них учиться-то можно? Они – слабые, они даже чудес не знают, они...

Боровой перебил жену:

– Вот видишь: слабые, чудес не знают, а живут. Детей рожают, в Вырий уходят. Как это у них все получается, а? Нам-то с чудесами попроще будет, а им каково? Трудно ведь? – Вопрос был обращен к Антоши ну.

Полковник решил в философские дискуссии не вступать, а спросить про то, что его интересовало:

– Ну, может, посоветуешь все-таки, где ведьму искать?

Боровой посмотрел на Антошина удивленно:

– Неужто ты и в самом деле считаешь, что ты умней, чем дорога? Как же так? Ты же путник, человек пути. Дорога мудрей и прозорливей человека. Неужто ты даже этого не ведаешь? Вот ты куда шел? За молодильными яблоками. А пришел куда? Ко мне... Так оно всегда и случается: человек не туда приходит, куда хочет, а куда дорога ведет его. Так что ты меньше себя слушай, а чутче прислушивайся к дороге.

Боровуха не выдержала, усмехнулась:

– Просил совета, путник? Получи!

– Дома с тобой поговорю, – насупил брови Боровой. – По-серьезному. Пошли.

И он исчез вместе со своей таинственной женой.

Антошин остался один посреди огромного чужого леса.

«Какой бред! – подумал Антошин. – Я должен найти ведьму, чтобы она показала мне путь к молодильным яблокам. Детский сад какой-то... Сказки народов мира».

Мир, окружающий Николая Васильевича Антошина, времени на пустые размышления не оставлял.

Когда полковник услышал треск сучьев, он поначалу решил, что вернулись разбойники. Встал спиной к дереву, готовясь к нападению.

Громкий рык огласил лес, и в нескольких метрах от себя Антошин увидел огромного медведя.

Медведь стоял на задних лапах, отчего казался еще больше, и смотрел на полковника своими крошечными глазками.

В глазах читалось недоумение: зачем, мол, ты, человек, пришел в мой лес?

Медведь зарычал, ясно давая понять, что разговор с непрошеным гостем будет коротким.

6

– Мне надоело все время бегать, – прошептал Антошин. – Почему меня так не любит это Время? Почему я все время вынужден убегать? Что я сделал плохого?

– А ты не убегай. Ты иди. По дороге, – снова услышал Антошин таинственный Голос. Медведь, казалось, тоже прислушался, удивленно повел ноздрями и упал на четыре лапы. Но не стал от этого меньше. Антошин не подозревал, насколько медведь, оказывается, могучее животное.

Зверь мог настигнуть полковника в два прыжка, но пока, видимо, раздумывал, стоит ли это делать?

– Почему я тут постоянно со всеми борюсь? Почему? – Антошин отступал медленно, спрашивая непонятно у кого. – Один нормальный человек встретился, да и тот – чудище, да и жена у него ненормальная.

И Непонятно Кто ответил:

– Не борись.

Медведь посмотрел на полковника и не спеша, будто растягивая удовольствие, двинулся на него.

– Как – не борись? Как – не убегай? А что же делать?

– Смотри. Говори. Думай.

Зверю, видно, надоела эта игра. Он дико зарычал и бросился на Антошина.

Антошин развернулся и помчался сквозь лес, не разбирая дороги. Впрочем, дороги не было, так что нечего было и разбирать.

Ветки хлестали по лицу, ноги проваливались в мягкий мох, но у Антошина не было времени обращать внимание на эту ерунду.

Впрочем, погоня обещала быть короткой. Гигантский зверь бежал, оказывается, очень быстро. Антошин уже чувствовал позади дыхание медведя и его не столько обозленный, сколько удовлетворенный рык.

«Кому не суждено стать жертвой Борового, быть тому съеденным медведем – таковы законы этого времени», – некстати подумал Антошин.

Еще секунда, полсекунды, и...

Дерево. Ветка – низко. Толстая – выдержит. Подпрыгнуть. Схватиться.

Надо же, удалось!

Много чего приходилось делать полковнику в своей военной жизни, но он никогда не подозревал, что умеет так ловко лазить по деревьям.

Кажется, за мгновение Антошин, словно обезьяна, добрался почти до верхушки дерева.

Медведь удивленно посмотрел на лазающего человека и, вздохнув, улегся под деревом.

Всем своим видом зверь показывал, что у него полно свободного времени и он хотел бы поближе познакомиться с незваным гостем.

Антошин отыскал широкую ветку и улегся на ней. Он совершенно не понимал, что ему делать. Надежда была только на то, что медведь в конце концов уйдет. Или Боровой придет, спасет его. Или еще какое чудо случится.

Надежда на чудо, конечно, самая зыбкая. Но как же часто именно она выручает!

– Человека ищи, – снова возник Голос. – Человеку для жизни нужен человек. Человек без человека жить не может. Как без воздуха. Как без еды.

Когда ты лежишь на ветке между небом и землей, а под деревом, облизываясь, отдыхает дикий зверь, спорить не хочется.

– Это без медведя мне не прожить! – усмехнулся полковник.

– Медведь – особенный зверь. Если снять с медведя шкуру, будет человек: у него человеческие ступни и пальцы. Медведь умывается, плачет и горюет. Медведь любит своих детей. Медведь...

Полковник перебил:

– Так что, мне теперь породниться с ним, что ли?

– Смотри. Говори. Думай.

Антошин не выдержал и заорал:

– Что ты заладил красивые слова! Сколько я еще просижу здесь, как кукушка?! Час? Два? Сутки? А потом что? Ты скажи: медведи едят людей? Или просто убивают? Не хотелось бы, знаешь ли, быть съеденным медведем.

Медведь, словно поняв, что речь идет о нем, поднял свою огромную голову, внимательно посмотрел на полковника крошечными, ничего не выражающими глазками и зарычал.

– Ну что ты хочешь от меня, «почти человек»? – устало спросил Антошин. – Ну давай: кто кого пересидит. Ты что, надеешься, что я рухну к тебе сам, как перезревшая груша?

Медведь смотрел внимательно, будто и вправду слушал.

А потом произошло ужасное.

Антошин забыл, что медведи умеют лазить по деревьям. Оказалось, умеют. И неплохо.

Медведь вздохнул и медленно полез вверх по стволу.

Это был конец.

Прыгать?

Высоко. К тому же медведь тоже рухнет и подомнет под себя.

Драться? Сломать толстую ветку и биться ею, как саблей?

Об этом и думать смешно.

Медведь лез осторожно и, казалось, лениво. Но приближался неотвратимо.

Жить полковнику оставалось недолго.

Антошин много раз бывал на краю смерти, и никогда в эти минуты ему не вспоминалась его жизнь. В памяти всплывали всё какие-то глупости...

Сейчас почему-то вспомнилось, как старый разбойник что-то шептал на ухо быку, договариваясь с ним. И ведь бык его послушал...

«Смотри... Говори... Думай...»

Смотреть – некуда.

Думать – не о чем.

Говорить?

Говорить...

Тихо, почти шепотом, Антошин произнес:

– Послушай. Вот сейчас ты убьешь меня. Это нетрудно. Одной лапой. Я упаду, окровавленный, на землю. Мои переломанные кости будут торчать в разные стороны. И что? Кому от этого будет хорошо? Тебе, уверяю, будет неприятно.

То ли от самого звука человеческого голоса, то ли и вправду услышав смысл слов, медведь остановился.

А вдруг он понимает человеческий язык? Может, это непростой медведь? Как в старой сказке? А если даже и не понимает, может быть, на него действует звук человеческого голоса? Или и с этим справляется его чип-переводчик?

И Антошин, сам поражаясь тому, что делает, продолжил говорить медведю:

– Ты вообще подумай: кто ты такой, чтобы лишать меня жизни? Нет, я понимаю, если бы я тебе угрожал. Угрожал жизни твоей жены. У тебя жена есть, кстати? Не важно... Детям там грозил. Тогда понятно. Ну а так-то – что? Возьмешь и убьешь меня просто так? А еще говорят, ты похож на человека: страдать умеешь, плакать. И тебе что – охота плакать надо мной убитым?

Медведь прижался к дереву и внимательно смотрел на полковника.

Антошин изо всех сил старался понять, что говорят эти крохотные черные глазенки. И не мог. Полковник понимал одно: надо говорить. Без остановки. Не важно о чем. Говорить, говорить, говорить... Слова, слова...

– Я познакомился с Боровым, хозяином леса.

Антошину показалось, что в медвежьих глазах мелькнуло недоверие.

– Ты что, не веришь мне? Правда. И с Боровухой его познакомился. Она – противная такая, баба в общем. Злая. А он – хороший человек, Боровой. Ну, может, и не человек, но хороший. И мы дружим с ним теперь. Ага. Нет, ну в гости друг к другу не ходили еще, но дружим.

Антошин так увлекся этим, условно говоря, разговором, что не заметил, как мгновенно, словно по чьему-то приказу, небо обложили темные, грозовые тучи.

Полковник не умолкал:

– У меня есть сын. Я, собственно, ради него здесь. Он без матери растет. Получается, что он с детства несчастный. Это значит, что его надо любить в три, в пять, в сто раз больше, чем других, счастливых. А ты хочешь его несчастья продолжать. Разве ж это хорошо – множить несчастья ребенка? Если ты почти человек, то думать-то должен головой своей мохнатой. Вот у тебя, говорят, тоже семья есть. Жена, дети. Тогда ты, как отец, должен меня понять.

И тут разразился ливень. Без подготовки, без прелюдии, сразу и вдруг. Словно сверху на землю вылили гигантское ведро воды.

Ударил гром. Сверкнула молния. За ней – еще одна. На мгновение показалось, что небо заполыхало огнем.

В медвежьих глазах появился страх. Зверь, забыв про человека, кубарем скатился с дерева и умчался в чащу.

Антошин осторожно слез по скользкому стволу, еще не веря до конца в свое чудесное спасение.

Дождь шумел, веселился, будто радовался вместе с полковником. Даже всполохи молний казались не зловещим огнем, а осколками праздничного салюта.

Антошин снял рубаху, подставил свое тело не бьющим, но ласкающим струям дождя.

Дождь закончился так же внезапно, как начался. Струи дождя как будто кто-то отрезал от неба – раз! – и они исчезли.

Антошин надел мокрую рубаху и пошел куда глаза глядят.

А куда они глядят? Вперед. Глаза всегда так делают.

– Ищи молодильные яблоки... Где искать? Ищи человека... Где? Хоть бы подсказал кто. Объяснил, куда идти, что делать. Дорога объяснит... Красивые слова! Что, дорога ошибиться, что ли, не может? Еще как!

Антошин говорил, уверенный, что таинственный Голос ответит ему.

Но ответа не последовало.

Только вдали грохотал уходящий гром.

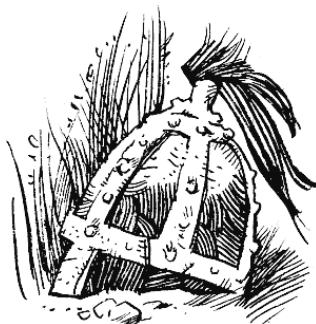
Так и шел полковник Антошин по древнему лесу, совершенно не понимая, куда он идет, но твердо зная – зачем.

А человек, которого надо было найти, даже не подозревая о существовании полковника Николая Васильевича Антошина, готовился к смерти.

Но поскольку он не знал, как к ней готовиться, он просто ждал. И боялся.

Очень боялся.

Часть вторая

1

– Ну, с кого начнем? – весело спросил мужчина и сбросил с головы шлем.

Шлем попробовал покатиться от страшного места, но густая трава – плохая дорога, и боевая шапка беспомощно замерла.

Шлем был хорош: деревянный, укрепленный железными ребрами. Его венчала изящная железная верхушка.

Да, эти головные уборы были красивы. И длинные мечи с причудливо украшенными рукоятками хороши. Пояса с изящными пряжками и волчьи клыки, висящие у каждого из мужчин на шее, – тоже. Даже волнистые волосы, завязанные сзади в пучок, казались вполне симпатичными.

Только вот обладатели всей этой красоты были отвратительны.

«Мерзкие людишки!» – понял Антошин, осторожно выглянув из-за деревьев и увидев на поляне картину, видеть которую совсем не хотелось.

Мужчина расхохотался. Волчьи клыки у него на груди аж запрыгали от раскатистого смеха.

– Может, с бабы? Что скажешь, Азамат?

Антошин осознал: эти люди разговаривают на ином, нежели Боровой или разбойники, языке. Но полковник их прекрасно понимал, так как в его тело был вшит переводчик. Ох уж эти удивительные технологии конца двадцать первого века!

И если вдруг придется заговорить, то эти мерзкие людишки поймут его, как и те несчастные, что были привязаны к дереву. Как поняли его разбойники, Боровой и даже, кажется, медведь.

Размышлять о том, почему так происходит, не хотелось: полковник не любил долгих размышлений.

Тот, кого называли Азаматом, посмотрел на людей, привязанных к дереву.

Пленников было трое: мужчина, женщина и подросток лет четырнадцати. Уперев взгляды в землю, они ждали своей участи.

Азамат подошел к женщине, потрогал мускулы на ногах.

– Ты прав, Сидак, она слабая, повозку тащить вряд ли сможет. – Он улыбнулся. – А печень у нее наверняка вкусная, молодая еще.

И Азамат снова весело расхохотался.

Мужчина-пленник медленно поднял голову, что есть силы плюнул Азамату в лицо и прошептал – тихо, но так, что шепот этот, казалось, был слышен даже на самых отдаленных тропинках леса:

– Обры проклятые! Не будет вам спасения! Даже звери лучше вас!

Не в силах продолжать, мужчина замолчал.

Азамат улыбнулся, стер плевок с лица, потрепал пленника по щеке и произнес спокойно:

– Я не знаю твоего языка и знать не хочу, поэтому мне все равно, что ты там сейчас прошебуршал. Тебе неведом мой язык, но я все равно расскажу, в чем наша правда. Может, ты не поймешь, так хоть почувствуешь перед смертью.

– Правда зверей, – буркнул тот, кого звали Сидак. – Наша правда.

Азамат величественно кивнул: ему очень нравилось происходящее. И говорил он, понятно, не пленникам, которые его все равно понять не могли, но своим друзьям. Вещал торжественно, будто не в лесу находился, а на площади и словно не два товарища стояли перед ним, а толпа слушателей.

– Наша правда – она безусловна, – изрекал Азамат. – Мы – звери. А человек не может победить зверя. Он не в силах справиться ни с медведем, ни с волком, ни даже с хорошо откормленным псом... Нас было трое, однако мы с легкостью разгромили вашу деревню, подтвердив, что человек бессилён против зверя. Люди побеждают зверей хитростью, а потом едят их. И это нечестно. А звери уничтожают людей силой, и это справедливо.

Женщина и подросток дрожали так сильно, что, казалось, ветки на деревьях колеблются не от ветра, а от их дрожи.

Но никто из пленников не плакал. Ни слезинки не катилось по их абсолютно белым лицам.

«Уйти? – спросил сам себя Антошин. – Какое мне дело до всех этих страстей? Да и не имею я права вмешиваться в ту жизнь, в которой меня не было».

Конечно, правильной было бы уйти.

Однако были вещи, которые полковник Николай Васильевич Антошин переносить был не в состоянии. Например, когда кто-то издевался над людьми. В каком бы месте ни происходило это издевательство и в какое время, значения не имело. Этого просто не должно было быть – и всё.

Полковник Николай Васильевич Антошин знал: человек – это тот, кто не позволяет издеваться над себе подобными.

И он никуда не ушел. Он стал прикидывать, как можно спасти этих несчастных.

Азамат посмотрел на своих товарищей и крикнул молодому:

– Тутай, из нас ты самый юный зверь! И мы, старые волки, отдаем тебе первую добычу.

Молодой парень, почти мальчишка, вскочил, улыбнулся радостно, обнажив гнилые зубы, выхватил из ножен свой меч и – Антошин даже вздохнуть не успел, настолько быстро все произошло – одним ударом, почти без напряжения, отсек голову несчастной женщине.

Ни мальчик, ни мужчина не издали ни звука, не проронили ни слезинки. Только сжали зубы. Антошину показалось, что этот зубовой скрежет звучит громче всех иных звуков шумящего леса.

Тутай издал победный вопль и, все так же радостно улыбаясь, запрыгал в безумном танце вокруг женского обезглавленного тела. Не прекращая танца, он рассек его и вынул печень.

Смотреть на это было невыносимо.

Антошин убежал в глубь леса: его выворачивало так, будто все внутренности решили выскочить наружу.

Многое повидал на своем веку полковник Николай Васильевич Антошин. Но то, что он видел на этой красивой лесной поляне, вынести было невозможно.

Обры не обратили на шум никакого внимания: они были слишком увлечены наблюдением за пиршеством своего товарища.

Очень кстати под ногами Антошина оказался ручеек с быстрой ледяной водой. Полковник умылся, попил водички.

Полегчало.

«Слишком ты стал впечатлительным, полковник, – сказал себе Антошин. – Стареешь».

Да, он не успел спасти женщину, но еще есть шанс помочь мальчику и мужчине.

Полковник еще попил хрустальной воды. Заломило зубы.

Надо забыть, что он видел только что. Жуткие картины вызывают страх и жалость. А это отвлекает. Перед Антошиным стояла задача – спасти людей. Задача понятная и привычная. Теперь нужно сообразить, как ее решать.

Впрочем, вариантов-то особых и не было. Как всегда в подобных случаях, сработает внезапность. А что еще поможет безоружному человеку, когда он один выступает против трех зверей, вооруженных вполне себе по-человечески?

Азамат обратился к своему второму товарищу:

– Ну что, Сидак, тут у нас есть молодое свежее мясо. – Азамат мечом показал на мальчишку.

Пленный мужчина поймал этот взгляд и сказал жестко:

– Даже звери не убивают детенышей своих врагов. Убить ребенка – это плюнуть в свое будущее.

Но обры то ли не поняли пленника, то ли сделали вид, что не поняли.

Сидак начал медленно подниматься. Предвкушение счастья, как известно, приятней, чем обретение его. Сидаку хотелось продлить эти тающие мгновения.

Антошин оглядел поляну, на которой устроили свой страшный пир неведомые ему обры. Костер, сложенный из веток. Хорошо. Тутай оставил свой меч рядом с телом убитой женщины. Очень хорошо. На труп не смотреть, а меч пригодится.

Полковник внимательно взгляделся в оружие, конец которого казался тупым. Так и есть! Этот меч создан не для того, чтобы колоть, а чтобы рубить – например головы. Неплохо, что Антошин заметил это сейчас.

Сидак улыбался. Улыбка его вовсе не была кровожадной – она просто выражала радость человека, который понимает: жизнь его удалась и сейчас он получит еще одно подтверждение этому.

От счастья Сидак запрокинул голову. Деревянный шлем начал сползать. Обр снял шлем, подмигнул Азамату и, продолжая улыбаться, пошел навстречу маленькому пленнику.

Губы мальчишки были сжаты, широко открытыми глазами он смотрел на обра. Казалось, парень совсем не боится смерти.

Мужчина не молил пощадить ребенка.

– Убить ребенка – плюнуть в будущее, – повторил мужчина. – У вас же есть свои боги? Они не простят вам того, что вы заставили отца наблюдать за гибелью сына. Таков порядок вещей: родители должны уходить раньше детей. Вы нарушили порядок вещей. И вам это не простится.

Но никто, кроме Антошина, не слушал пленника.

За свою жизнь полковнику не раз приходилось видеть людей, которые смотрели в глаза смерти. Они вели себя по-разному: большинство, конечно, умоляли о пощаде, но были и те, кто не отворачивался от своей гибели, у кого хватало смелости или безрассудства смотреть в глаза смерти не отводя взгляда.

Но эти двое – большой и маленький, отец и сын – вели себя как-то по-особенному: в их поведении было не только мужество, но и презрение к тем, против кого они бессильны.

Они презирали своих врагов.

Сидак сделал еще один шаг. Еще. Обр радостно поигрывал то волчьими клыками, висящими на шее, то своим мечом.

У него было прекрасное настроение, и он улыбался своим товарищам.

Те кричали ему:

– Давай, давай, быстрее! Не тяни! Печень мальчишки, никогда не пившего вина, – это же так здорово, это невыносимо вкусно!

Мужчина повернул голову к сыну.

– Ничего не бойся! – сказал он громко и четко. – Я объяснял тебе: смерти нет. Сейчас в Вырии ты встретишь маму, а чуть позже туда приду и я. И мы снова будем вместе. В Вырии лучше, чем здесь, потому что там нет зла. – Мужчина перевел дыхание, и Антошин понял: этот человек изо всех сил старается не зарыдать. – Помнишь, недавно тебя укусила собака? Так вот сейчас тебе будет даже не так больно, как тогда. Поверь мне, я ведь тебя никогда не обманывал...

Мальчишка поднял глаза и произнес тихо:

– Отец, я не боюсь. Я помню, как ты говорил: смерть никто не хочет приближать, но, когда она приходит, ее принимают смиренно. У каждого свой срок.

Парень, улыбаясь, смотрел в глаза своему убийце.

«Господи, что за удивительные люди живут в этой стране?!» – некстати подумал Антошин.

Он знал, что посторонние мысли отвлекают, но куда от них денешься?

– О чем они говорят? – спросил Сидак.

Азамат ухмыльнулся:

– Умоляют пощадить их!

– Звери не ведают жалости! – заорал Сидак и поднял меч.

С диким криком выскочил Антошин на поляну, схватил брошенный Тутая меч и одним ударом отсек голову Сидаку.

Да, конечно, в прошлое нельзя вмешиваться так активно, тем более нельзя убивать.

Нельзя! Об этом не говорили – кричали все инструкции.

Но ребенок... Но мальчик примерно одного возраста с его сыном... Но его отец, на глазах которого...

Да пошли они все со своими инструкциями!

Пока обры не успели опомниться, Антошин схватил горящую ветку, ткнул ею в лицо Тутаю.

Тутай схватился за глаза, повалился на спину и дико закричал.

Еще несколько веток Антошин раскидал вокруг костра. Как он и рассчитывал, сухая трава мгновенно занялась. Казалось, что костер каким-то чудесным образом вырос в одно мгновение.

– Леший! – в ужасе закричал мальчик.

А мужчина-пленник, наоборот, обрадовался:

– Боровой, помоги нам, детям своим! Спаси нас!

Антошин подбежал к пленникам, встал к ним спиной, готовясь к атаке.

Азамат был воин: он быстро пришел в себя и бросился на врага, взявшегося неведомо откуда.

Полковник пригнулся – меч врага просвистел у него над головой и полоснул по груди пленного мужчины, оставив довольно глубокий след.

Антошин удачно уворачивался от ударов, пытался сам нападать, но скоро понял: он, впервые в жизни держащий в руках меч, победить опытного воина не сможет.

К тому же пленник истекал кровью, и было ясно, что ему срочно нужна помощь.

«Если я уговорил медведя, неужели я не смогу уговорить человека?! Пускай дикого, пускай считающего себя зверем, но ведь все равно – человека?» – подумал Антошин.

Полковник забыл: нельзя одновременно драться и думать.

Азамат выбил меч из рук Антошина и уже замахнулся, чтобы отсечь ему голову.

Антошин поднял правую руку и произнес совершенно спокойно:

– Ты, зверь, поднимаешь меч на хозяина леса?

Азамат застыл, потрясенный тем, что это существо умеет говорить на его языке.

– Эта добыча – моя, – проговорил Антошин, показав на пленников, и повторил, не столько для Азамата, сколько для собственного успокоения: – Моя! Пошел вон!

Азамат вертел головой, явно соображая, что надо делать.

И тут подал голос Тутай.

Не отпуская рук от черного, словно закопченного лица, он прошептал, плача:

– Уйдем отсюда, Азамат! Это хозяин леса. Ты видел: он умеет повелевать огнем. Звери боятся огня. Они не могут драться с тем, кому подчиняется огонь.

Антошин пытался смотреть победно.

Но Азамат был воин, он не мог уйти с поля боя побежденным.

Антошин понимал, что в этом человеке сейчас борются страх перед неведомым лесным хозяином и привычка воина убивать врага, каким бы странным он ни казался.

Привычка сильнее всего в человеке. Даже сильнее страха.

Подумав не больше секунды, Азамат снова поднял свой меч. Не так решительно, как в начале битвы, но поднял.

Антошин посмотрел на мужчину-пленника. Глаза его были закрыты, лицо побелело: он потерял слишком много крови.

Надо было заканчивать эту историю, и как можно быстрее.

И тогда Антошин сделал то, что сам объяснить никогда бы не смог.

Полковник упал на колени и завыл – страшно, чудовищно, по-волчьи. Весь свой страх, все свое нежелание шататься по этой дикой земле, всю свою тоску по невоплотившейся Ирэне и по жизни, которая тоже не воплотилась до конца, вложил он в этот полузвериный-получеловеческий вой-плач.

Затихли птицы, напуганные непонятными и жуткими звуками. И даже ветер от удивления, казалось, перестал шелестеть кронами деревьев.

Азамат открыл рот и опустил меч.

В его глазах Антошин увидел панику и понял, что победил.

Тутай рыдал уже во весь голос.

– Не трогай его! – сквозь слезы умолял он. – Ты что, не видишь, что он зверь?! Он даже страшнее зверя!

Тутай встал, шатаясь. Он ничего не видел. Он хотел одного: исчезнуть, чтобы не слышать этот ужасный, не человеческий, но и не звериный вой.

Азамат убрал меч, подхватил Тутая под локоть.

И уже через мгновение обры исчезли в чаще леса.

Стараясь не смотреть на женское тело, Антошин подошел к мальчику, в глазах которого читался только ужас.

Антошин хотел бы говорить ласково, но после воя в горле рождался только глухой хрип:

– Не бойся меня. Я – свой. Я – друг.

– Ты знаешь и наш язык тоже? – удивился мальчик.

Антошин попытался улыбнуться:

– Говорю же тебе: я свой.

Полковник схватил меч и разрубил веревки, которыми парень был привязан к дереву. Потом освободил мужчину, положил на траву, разодрал его рубаху, чтобы перевязать рану.

Рана оказалась довольно глубокой, и пленник потерял слишком много крови.

«Скорей всего, он не выживет, – понял Антошин. – Черт возьми, мальчишка лишился обоих родителей!»

Антошин был слишком занят пленником, к тому же он не ждал от спасенного ничего плохого. И потому не заметил, как мальчик нашел толстую палку, подкрался сзади и изо всей силы ударил полковника по голове.

Последнее, что услышал Антошин, были слова:

– Еще неизвестно, Леший, кто из нас чья добыча... Еще неизвестно...

Черная пелена накрыла полковника, и он потерял сознание.

2

Антошин открыл глаза и осмотрелся.

Теми же самыми веревками, которыми были привязаны пленники, теперь к тому же самому дереву привязали полковника. Причем так крепко, что дышать было практически невозможно.

Явно ему еще пару раз дали по голове: ныла она нестерпимо.

Антошин не попросил – потребовал:

– Развяжи меня!

Парень не обратил на его слова никакого внимания: он хоронил погибших родителей. Пока полковник приходил в себя, мальчишка успел сложить два погребальных костра. Лицо мальчика не выражало ни скорби, ни печали. Это было лицо человека, занятого важным и серьезным делом.

Антошин попробовал говорить вежливей:

– Пожалуйста, развяжи меня. Неужели ты не видишь, что я – друг?

Парень не слышал его: он сосредоточенно тер о сухую палку длинный обрывок веревки.

Антошин не сразу понял, что таким образом мальчишка добывает огонь.

Но зачем?

Угли от костра обров, который, судя по всему, загасил мальчишка, еще не остыли, и их вполне можно было раздуть.

– Там же есть огонь, – начал было полковник, подбородком показывая на угли.

Но тут же осекся.

Разве не очевидно, что от огня, который разожгли убийцы, нельзя поджигать погребальный костер для их жертв?

Антошин не сразу догадался об этом. Но парень, видимо, это знал.

Мальчик не спеша поджег один погребальный костер, затем – другой. Он стоял между двумя кострами и говорил что-то очень тихо, почти шепотом...

Антошин прислушался.

– Я не умею, – шептал мальчик, – я не знаю, как надо. Прости меня, Сварог. Я один. Я не знаю обрядов. Да кабы и знал, что я могу, неумелый и непосвященный? Могу я только просить. Я прошу тебя, Сварожич, сын Сварога, пусть души моих родителей в Вырии не забывают про меня. Я так боюсь, что мы встретимся потом, а они меня не узнают... Я так боюсь этого!

Только сейчас – впервые – полковник увидел слезы на глазах мальчишки.

Запах паленого мяса становился все более нестерпимым. Антошина непременно стошнило бы, но желудок его был уже абсолютно пуст.

«Два раза подряд вырвать не может даже в этом безумном крае», – подумал полковник.

Эта простая мысль почему-то успокоила.

Погребальные костры догорели. Мальчик снял рубаху. Мечом разрезал ее на две части.

В одну аккуратно собрал прах матери, в другую – отца. Потом все тем же мечом вырыл две довольно глубокие ямы и похоронил в них прах.

При этом он постоянно что-то говорил, вскрикивал, совершал непонятные движения...

Антошин чувствовал, что силы оставляют его. Тело одеревенело, дышать становилось все трудней. Полковник совершенно не представлял, как будет выпутываться из этой ситуации. Печальную неясность будущего Николай Васильевич Антошин ненавидел больше всего на свете.

Наконец похоронный обряд был закончен.

Мальчик положил на могилы еловые ветки, трижды поклонился и только после этого повернулся к полковнику.

Лишь одно смог прочитать Антошин в его взгляде – неприкрытую ненависть.

– Послушай... – начал полковник. – Ты же разумный мальчик. Подумай сам: ведь это я тебя спас. Я. Ну, ты вспомни, как все было... Если бы не я, ты бы... Ты бы сейчас где был? Сам подумай.

Мальчик взял меч и два раза, как бы тренируясь, прочертил им круги по воздуху. Он не слышал и не видел полковника.

«С медведем можно договориться. С хозяином леса Боровым. Даже с чудищем каким-нибудь. Обра можно напугать, и он сделает то, что тебе нужно. Но с ребенком, на глазах которого только что погибли родители, договориться не удастся никогда», – понял Антошин.

Ну и что делать в такой ситуации? Не молчать же в ожидании, пока тебе отрубят голову?

– Вот ты меня сейчас убьешь, – прошептал Антошин: сил на то, чтобы говорить громко, уже не осталось. – Голову отрубишь... Хорошо. Пожалуйста. Но знай, что я всю жизнь буду к тебе приходить во сне. Потому что те, кого невинно убили, обязательно приходят во сне к своим убийцам.

Мальчик внимательно посмотрел на полковника и произнес тихо:

– Странно... Ты немолодой вроде, а не понимаешь совсем простых вещей. Невинного убить нельзя. Если убили, значит, боги решили отнять жизнь. Значит, есть вина у человека.

Обрадовавшись, что парень заговорил, Антошин затараторил:

– А родители твои, родители, они что – тоже виноваты?

– Не тебе судить! – крикнул мальчик, а потом прошептал в сторону: – Деревню не защитили, сестер не уберегли... Невинные не погибают.

И парень снова очертил мечом круги по воздуху.

«Следующий удар – по моей голове», – понял Антошин.

Но мальчик, оказывается, хотел рубить вовсе не его голову. Он подошел к ближайшей осине, одним ударом срубил толстую ветку и начал, спокойно и молча, затачивать ее конец, превращая палку в пику.

– Ты чего это? Ты меня – этим? – возмутился Антошин. – С ума сошел?

И тут услышал над самым ухом:

– Он же считает тебя нечистой силой. Ну а нечистую силу, понятно, осиновым колом надо. Вот люди дураки!.. Придумают же глупости...

Боровой!

Антошин огляделся – никого!

Да и мальчишка, похоже, никого не видел и не слышал. Он продолжал сосредоточенно делать свою жутковатую работу.

Веревки между тем ослабли. Полковник снова услышал голос Борового:

– Головой-то не верти понапрасну: спрятался я. Ты что думаешь, хозяин леса в лесу спрятаться не сумеет? – Одна из веревок упала к ногам Антошина. – Не люблю, когда непорядок. Я порядок во всем люблю. Лес – это ведь порядок. Не бывает, чтобы цветы выше деревьев росли. Или чтобы заяц на лису напал. Обры эти тоже порядок нарушают... Но тут, видишь, не успел помочь. За всем-то не уследишь: лес вон какой большой.

Невидимый Боровой говорил, а сам при этом распутывал веревки.

Наконец Антошин понял, что свободен.

– Ну, вот и всё... – облегченно вздохнул Боровой. – Непорядок бы случился, если б он тебя убил, понимаешь?

Антошин с радостью согласился:

– Конечно. Спасибо тебе! Ты меня спас!

– Я вой как услышал – прибежал. Ты выл, что ли?

– Мм... – Антошин почему-то смутился.

Боровой вздохнул.

– Тяжелая у тебя жизнь, если ты так воешь. Ты уж давай как-то облегчай ее, жизнь-то, ладно? Я когда непорядок вижу, очень нервничать начинаю. Меня Боровуха за это ругает. Ну всё! – Антошин почувствовал, как Боровой хлопнул его рукой по плечу. – Вы теперь сами как-то. Теперь – порядок. Когда два человека не связаны, они всегда меж собой сумеют договориться. Если захотят.

Антошину показалось, что Боровой уходит. Странно: как приблизился хозяин леса, полковник не заметил, а как уходит – почувствовал.

И уже явно издали Боровой крикнул:

– Парня-то Малко зовут! Это я тебе так, на всякий случай, говорю, ну, чтобы тебе проще было...

Конечно, можно было бы убежать, а если бы мальчишка попытался его остановить, полковник легко бы с ним справился.

Но парень понравился Антошину. Что-то в нем напоминало полковнику его сына.

Уйти сейчас, оставив парня одного в лесу рядом с могилами родителей? Нет, невозможное дело.

Да и Боровой посоветовал договориться. Почему бы не послушаться его совета?

На самом деле никакой логической причины для того, чтобы остаться с парнем, не было. Была не логическая, но абсолютная уверенность, что уходить нельзя.

Полковник Антошин Николай Васильевич знал: чувствам подчас стоит доверять больше, чем разуму. Разум можно уговорить – чувства никаким уговорам не поддаются.

Малко не просто затачивал осиновый кол, но и произносил при этом таинственные заклинания. Он до такой степени сосредоточился на своей работе, что не заметил, как его пленник освободился.

– Послушай, Малко... – начал Антошин и сделал к парню шаг.

Малко в ужасе огляделся, будто раздумывая, бежать ему или дать отпор. Парень все-таки выставил осиновый кол и прошептал:

– Ты не Леший – ты сам Боровой и есть. Ты узнал мое имя, но тебе не удастся взять меня в плен. Я все равно тебя убью. Я не стану тебе служить!

Антошин улыбнулся.

– Во-первых, я не Боровой. Боровой тут был – это правда. Заходил ненадолго, по дружбе. Но ушел уже.

– Значит, ты все-таки Лешак, – заключил парень.

Антошин изо всех сил постарался сделать приветливое и доброе лицо, хотя прекрасно знал: именно это ему никогда не удавалось. Его лицо добрым не делалось, как ни старайся.

– Ну какой я Боровой, какой я Лешак? – Полковник улыбнулся, как ему казалось, по-доброму. – Ты посмотри на мое лицо... Неужели ты не видишь: это лицо человека, пожилого, умного, но уж никак не лесного!

Мальчик взглянул в лицо полковника, будто и вправду хотел открыть в нем какую-то тайну, и произнес спокойно:

– Ох и неприятное же у тебя лицо!

Они возникли неожиданно, как и должны появляться подлые враги.

Конечно, Антошин понимал, что обры могут вернуться. И должен был об этом помнить.

Но слишком уж много всего произошло, и он потерял бдительность.

Обры налетели вихрем. Азамат выбил кол из рук Малко. Тутай подскочил к Антошину, приставил ему к горлу меч и тут же улыбнулся своими гнилыми зубами.

Глаза Тутая были перевязаны, и он смотрел на мир сквозь крохотные щелки. Всепоглощающая, люта ярьость глядела на Антошина.

– Мы вернулись! – заорал Азамат. – Звери всегда возвращаются туда, где их обидели! Пусть ты – хозяин леса! Пусть! А мы свободные звери! Мы сильнее любых хозяев!

Антошин уже слишком часто попадал здесь в плен и решил, что с этой неприятной тенденцией пора заканчивать.

– Конечно... – вздохнул Антошин и чуть отступил от Тутая. – Ты прав: спорить с этим было бы нелепо.

Азамат самодовольно улыбался. И это было ошибкой. Самодовольство – верный путь к поражению. И не только в драке.

Антошин локтем ударил Тутая в живот, потом кулаком по глазам, а когда тот упал, еще раз – ногой в живот.

Один из волчьих клыков, висевший на шее Тутая, оборвался и упал в траву.

Меч у Тутая выпал, Антошин схватил оружие, прижался спиной к дереву, ожидая нападения Азамата.

Но тот и не думал нападать.

Азамат держал Малко за волосы и улыбался.

Свой меч обр приставил к шее мальчика, на которой уже обозначалась тонкая красная полоска.

– Ты обещал уничтожить этих людей, – сказал Азамат. – А я вижу здесь остатки погребального костра. Хозяин леса не будет хоронить людей – это и волчонку понятно. Значит, ты не Боровой. Ты просто один из них, да? Он ведь не твоя добыча, а твой друг. Так ведь?

– Да, – спокойно произнес полковник. – Этот мальчик – мой друг. Его зовут Малко.

Азамат еще сильнее потянул Малко за волосы.

Шея парня напряглась, рана становилась больше.

Азамат улыбнулся:

– Это хорошо, что ты не врешь. Эти люди... удивительные создания: почти никогда не врут. Фантазировать любят, а врать – нет... Так вот, если ты его друг, то ты ведь не хочешь, чтобы он погиб страшной смертью?

На такой дурацкий вопрос отвечать не хотелось.

Азамат продолжил:

– Прекрасно. Тогда брось меч, и твой друг умрет хорошей смертью, доброй и быстрой.

Малко не знал языка обров и не мог понять, что именно говорит этот страшный полужелудок-полузверь. Но ему было совершенно ясно: ничего хорошего обр сказать не может.

Из всех сил парень старался не дрожать.

Антошину уже становилось скучно. Пора заканчивать с Азаматом. Пора.

У него, Николая Васильевича Антошина, сил осталось только на последнее представление.

Полковник отбросил меч, рухнул на траву и затрясся в жутких конвульсиях.

Азамат с удивлением и ужасом смотрел на своего врага, повторяя:

– Ты чего это? Ты чего это?

Даже Тутай приподнялся и удивленно смотрел на полковника.

Антошин, продолжая трястись и издавая неясные звуки, понемножку подползал к опешившему Азамату. Наконец полковник прыгнул и своими ногами захватил ноги обра.

Азамат упал.

Воспользовавшись моментом, Малко вырвался из рук обра, отпрыгнул в сторону, но почему-то не убежал.

Антошин вскочил первым, ударил Азамата ногой в лицо, вырвал его меч.

Выпад – Азамат увернулся.

Они стояли друг против друга.

Антошин не хотел убивать безоружного. А в планы Азамата явно не входило погибать.

Сначала медленно и осторожно он стал отходить, а потом кинулся в чащу.

Следом бросился Тутай.

В противоположную сторону побежал Малко.

Ни желания, ни сил преследовать кого-нибудь из них у Антошина не было. Но и оставаться на этой поляне, среди могил, совершенно не хотелось.

Он взял оба меча и веревку. Без оружия здесь, видимо, не прожить, а веревка могла пригодиться, чтобы развести огонь, как это делал Малко.

Полковник пошел вперед – туда, куда глядели его глаза.

Идти совсем не хотелось – хотелось рухнуть в мягкую траву и хоть немножко поспать.

Но Антошину становилось не по себе от одной только мысли, что придется ночевать в лесу, где бродит бог знает кто, где в любой момент могут возникнуть обры, которые не простят обиды и на этот раз его точно не пощадят.

3

Искра не хотела появляться. Не хотела, и всё тут!

Хотя, казалось бы, как просто все получилось у Малко: потер веревкой о сухую ветку – и, пожалуйста, искра.

А Антошин уже столько времени старается, веревочка перетирается – вот тебе и весь эффект! Человек будущего, а огня добыть не может!

Кстати, интересно: а эти древние всегда так огонь добывают или только в походных условиях? Надо бы выяснить...

Хотя зачем? Это знание не приблизит его к молодильным яблокам, а что приблизит – неясно.

Но зачем ему теперь эти яблоки, если он все равно уже никогда не вернется в свое время?

Выполнение приказа привносит в жизнь смысл – вот и всё. Нелепый смысл? Иллюзорный? Может быть... Даже наверняка... Но ведь другого нет. Будем довольствоваться тем, что есть.

Его дело – найти яблоки. А потом... Вряд ли его тут бросят – найдут как-нибудь.

Полковник Николай Васильевич Антошин был, разумеется, осведомлен о том, что современные машины времени весьма несовершенны: и промахиваются часто мимо эпох, и зависают нередко...

Но главное, они могут пронести сквозь время только одного человека. Одного... Так что, даже если его каким-нибудь непостижимым образом и найдут, как вернуть в двадцать первый век – неясно.

Антошин очень соскучился по сыну. Разум говорил – кричал! – о том, что они могут никогда больше не встретиться. Разум был совершенно логичен.

Но чувства противились этому! Чувства почему-то были настроены оптимистично.

«Да и ладно, – решил полковник. – Мое дело – выполнять приказ. А там видно будет».

Стало совсем темно. Деревья исчезли, превратившись в грозную шелестящую массу.

Среди этого шелеста летали ночные создания, издавая тревожные звуки, – то ли летучие мыши, то ли иные неведомые твари, явно еще более отвратительные.

Сверху бессмысленно светила луна. От ее потуг светлей не становилось, разве только деревья приобретали более таинственные очертания.

Под ногами что-то зашевелилось. Антошин отскочил.

Что-то, зашипев, уползло.

«Наверняка здесь есть и змеи», – подумал полковник.

Вывод не успокоил.

Деревья скрипели, словно переговаривались. Антошину казалось, будто он находится среди загадочных, несомненно живых существ, которые замышляют против него что-то недоброе.

Какая-то тварь с отвратительным криком пронеслась над самой головой, слегка задев макушку.

Ветер усилился.

Антошин поднял голову.

Ему померещилось, что из темной однородной массы откуда-то сверху падают деревья. Причем падают они не хаотично, а именно на Антошина.

И тут он увидел ЕЁ.

То ли лунный свет все-таки умудрился пробиться сквозь листву, то ли женщина очутилась на освещенном месте. Но возникла она явственно, конкретно и неожиданно.

Она была реальна и отвратительна. Высокая, пожалуй выше Антошина, невообразимо худая, одноглазая старуха. Она пыталась улыбаться своей, как ей, наверное, казалось, самой обворожительной улыбкой. Во рту одиноко, словно айсберг среди морских просторов, торчал огромный зуб.

Можно встретить даже очень старых женщин, но со следами былой красоты на морщинистых лицах. При взгляде на эту одноглазую старуху казалось, что она сразу родилась такой старой и уродливой.

Надо было как-то начинать разговор, и Антошин произнес еле слышно:

– Добрый вечер.

– Здравствуй, милоч, – ответила бабушка, присаживаясь на пенек.

Антошин готов был поклясться, что еще минуту назад пенька здесь не было. Впрочем, может, просто не заметил в темноте?

Голос у старухи оказался не менее отвратительным, чем ее внешность.

Испугать ее? Прогнать? За что? Разве старый человек виноват в своем уродстве? К тому же есть у кого про молодильные яблоки спросить. Вдруг она знает?

Даже самому себе полковник Николай Васильевич Антошин не мог признаться, что не гонит одноглазую старуху совсем по иной причине. Все-таки с ней в ночном лесу было как-то повеселее.

– Вы что тут делаете в такое время? – спросил Антошин для поддержания разговора.

В ответ старуха расхохоталась. Смеялась она неприятно, неискренне, будто зачем-то хотела специально продемонстрировать свою радость.

– Заблудились, что ли?

Вопрос Антошина вызвал новый приступ хохота.

«Сумасшедшая, – подумал полковник. – Сразу видно. Разве может нормальный человек оказаться ночью в дремучем лесу?»

– Может быть, вы потерялись? Может, вас домой проводить?

– Так здесь мой дом, неподалеку, – проскрипела незнакомка.

Луна снова укрылась облаками, и старуха будто растворилась на фоне темного леса, стала полупрозрачной. Но полковнику казалось: он видит ее однозубую улыбку, ее единственный глаз.

«Чего ж я так ее ругаю? – думал Антошин. – Ну сумасшедшая... А кто здесь вообще нормальный? Да еще неизвестно, каким буду я в ее возрасте...»

– Ну что, бабушка! – бодро крикнул Антошин. – Как здоровье ваше? И вообще жизнь?

Как полковник и ожидал, вопрос вызвал новую бурю смеха, старуха была не в силах сдержать свой непонятный восторг и стала вновь видна четко в свете появившейся луны.

Вдруг она вмиг посерьезнела.

Ее одинокий глаз блестел в темноте. Блестел, разумеется, недобро.

– А что? – произнесла бабушка твердым голосом, в котором и остатков смеха уже не было. – А что, милоч, тебе, что ли, огонь-то нужен?

Антошин обрадовался, услышав наконец разумные слова:

– Конечно! С огнем-то ночью веселей!

– С огнем-то... – повторила бабушка. – А давай вместе разжигать?

Антошин улыбнулся виновато:

– У меня не получается. Может быть, вы?

– Вместе, – повторила старуха и встала.

И снова Антошин удивился ее исполинскому росту. Бабушки, они ведь должны быть маленькими, сухонькими. А эта...

– Вместе, – раздалось откуда-то с небесных высот. В темноте старуха казалась почти такой же огромной, как деревья. – Надо вместе: я и человек. Сообща.

Бабушка, совершенно точно, была сумасшедшей. А сумасшедшим, это Антошин знал наверняка, главное – не возражать. Еще не хватает, чтобы она истерику закатила посреди ночного леса. Что он тогда будет с ней делать?

– Вместе так вместе, – согласился Антошин. – Только как же мы сообща будем веревку о ветку тереть? Я держать буду, а вы тереть? Или как?

Сумасшедшая старуха на вопросы не отвечала, повторяла только:

– Вместе, – и наступала на полковника. – Вместе. Вместе. Вместе.

Она повторяла это слово таким тоном, будто собиралась не огонь вместе разводить, а чем-то другим заниматься, очень важным и значительным.

Старуха подошла совсем близко. Антошин смотрел на нее снизу вверх. Там, наверху, сиял один глаз и белел отвратительный зуб-гигант.

Полковнику стало не по себе.

– Вместе, – снова повторила старуха и протянула ему кусок веревки.

Веревка была другая, не его. Да и бог с ней... Может, и хорошо? Может, веревка сумасшедшей бабки окажется более воспламеняемой?

Антошин улыбнулся (с сумасшедшими ведь надо по-доброму) и произнес как умел ласково:

– Давайте вашей попробуем. Вдруг лучше получится?

Он протянул руку к веревке.

И тут прямо перед его глазами за бабушкиной спиной вспыхнул свет. Огонь!

Сначала показалось, что свет каким-то непостижимым образом висит над землей. Но потом стало ясно: его держит человек.

– Не бери у нее ничего! – крикнул человек с огнем. – Не вздумай что-нибудь у нее брать!

Старуха, не мигая, смотрела на Антошина своим сверкающим глазом.

– Давай вместе! Давай! Вместе! Сообща! – повторяла она.

Человек с огнем в руках подбежал к старухе, прочерчивая на ходу факелом, как кистью, странные фантазмагорические узоры. Потом он остановился и, пританцовывая, запричитал:

– «Плакун! Плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слезы по чистому полю, не разносись твой вой по синему морю, будь ты страшен бесам и полубесам, старым ведьмам киевским и Лиху Одноглазому».

Старуха пошатнулась, но устояла на ногах.

А человек продолжал свои заклинания:

– «А не дадут тебе позорища, утопи его в слезах, да убегут от твоего позорища! Будь мое слово при тебе крепко и твердо век веком! Век веком! Да поможет мне Сварожич – сын Сварога! Да поможет мне!»

Как исчезла старуха, полковник не заметил. Казалось, она просто растаяла в черном лесу.

Выскочила луна. И Антошин увидел, что вместе с сумасшедшей бабкой исчез и пенек, на котором она сидела.

«Эта старуха пеньки с собой, что ли, носит, как складные стульчики? – удивился Антошин. – Бред какой-то...»

Человек положил горящий факел на землю и произнес:

– Давай накидаем на него веток – будет костер... Ты меня спас. И я тебя спас. Это правильно.

Костер начал разгораться. В его веселом свете разглядеть человека напротив было совсем просто. Впрочем, Антошин давно уже узнал его по голосу.

Сомнений не было: перед ним сидел Малко.

Пламя поднималось всё выше.

«Если костер не погребальный, он всегда горит весело», – подумал Антошин.

Малко еще подкинул веток в огонь и спросил:

– Ты, что ли, не знаешь, что с Лихом Одноглазым встречаться нельзя? Если с Лихом Одноглазым встретишься, оно на тебя такую порчу наведет – век мучиться будешь.

Полковник усмехнулся:

– Ты ничего не путаешь, Малко? Я же встречался с ним, говорил. Где же порча? Или она позже возникнет? Как тут у вас принято?

– Не волнуйся. – Малко шевелил ветки в костре. – Почему-то не смогло оно тебя про-
нять. Видать, потому, что ты инородец.

– Инородец, – согласился Антошин.

– Странно. А я думал, инородцы немые всегда. – Малко задумчиво помолчал и продолжил: – Вот если бы вы с ним руки друг другу пожали – тогда уж всё. Конец тогда уж. Инородец ли ты говорящий или местный кто – все одно конец.

Мальчик внимательно посмотрел на Антошина.

«Сколько ему лет? Тринадцать? Четырнадцать? Больше? – подумал Антошин. – Хотя... Если у человека на глазах зверски убивают родителей, он, наверное, мгновенно становится взрослым. А может, вообще здесь дети быстрее взрослеют. Мой-то сын его ровесник, а совсем пацан. А этот – уже мужчина».

Малко прошелся по поляне, взял оба меча, которые принес с собой Антошин, и на всякий случай положил рядом с собой.

Он посмотрел на полковника и спросил требовательно:

– Я немножко понимаю язык обров... Мало, но понимаю... Ты ведь сказал им, что я – твой друг. Зачем ты это сказал? Почему ты спас меня? Прежде чем я тебя убью, я должен это выяснить... Отец говорил, что тайна для того и существует, чтобы ее раскрывать.

«Опять меня собираются убивать... – вздохнул Антошин. – Как же мне это надоело!»

4

Ночная птица, ухнув, пролетела над самым костром и растворилась в темноте леса.

Малко не обратил на нее никакого внимания. Он смотрел на Антошина так пристально, что полковник не выдержал его взгляда и опустил глаза.

Антошин заканчивал свой рассказ. Рассказ был сбивчивый. Про некую заоблачную страну, из которой явился полковник. Про то, что он ничего не ведает об их жизни и нравах, но зато умеет разговаривать на любом языке, потому что у них, в заоблачной стране, с этим просто.

Антошин понимал, что мальчик не сможет поверить в то, что он только что рассказал, и сейчас начнутся вопросы.

И они начались.

Малко приступил к самому серьезному для себя вопросу:

– Ты правда не знаешь, что Сварог – наш главный бог?

Полковник улыбнулся виновато, как нашкодивший школьник.

– И тебе неизвестно, – продолжал Малко, – что Сварог создал людей из камня? Что он – отец земного огня Сварожича? – Малко поднял глаза к небу и сказал еще тише: – Что

однажды ударил он молотком по бел-горюч камню Алатырю, и открылась крыница, и рас-
теклось по небу звездное молоко?

– Я не знаю этого.

– Тебе и вправду неизвестно, что Вырий – это место, куда попадают души умерших
людей?

– Значит, Вырий – это ваш рай, – произнес полковник тихо, а громко спросил: – И что,
в Вырий попадают все или только самые достойные? Ад у вас есть?

Даже в красном свете костра было заметно, как мальчик побледнел, услышав этот
вопрос.

Малко перевел дыхание.

– Что такое «ад», я не знаю. Но скажи: разве среди умерших могут быть недостойные?
Разве смерть не уравнивает всех?

«Понятно, – подумал Антошин. – Вырий – это демократический вариант рая. Если
верить нашему Богу, то в рай попадают только достойные. А у них попадают все. Понятно».

– Откуда же ты идешь, если не знаешь таких простых вещей? – удивленно спросил
Малко.

Полковнику хотелось сказать: «Парень, да какая тебе разница, откуда я иду? Главное,
я иду по дороге, по которой вдвоем с тобой идти будет гораздо легче и веселее. Пойдем
вместе, найдем молодильные яблоки, узнаем тайну бессмертия... Мне нужен проводник в
этой странной и чудесной стране. Что тебе делать тут одному, сироте? А дорога – это всего
лишь жизнь с приключениями. Пошли, а?»

Антошин посмотрел на мечи, лежащие рядом с парнем... На их гладких поверхностях
воинственно играл огонь.

В любой момент Малко мог взять их и отсечь полковнику голову. Обозленного под-
ростка ничто не остановит. Кроме чуда. Только чудо может уберечь обозленных детей от
безрассудных поступков.

Но чтобы чудо породило не страх, а восхищение, его надо готовить постепенно.

Антошин знал, как убедить Малко идти вместе. Во всяком случае, попытаться. Но для
этого надо было прикидываться. Надо было играть роль.

«Боже мой! – подумал Антошин. – Я превращаюсь в актера. Какой ужас!»

– Почему ты молчишь? – настороженно спросил Малко и взялся за рукоять меча.

И тогда Антошин произнес как мог торжественно:

– Я иду издалека. Из очень далекого далека.

– Оно столь далёко, твое далеко, что там даже не знают, что такое заговор? Ты спра-
шивал меня, что я говорил Лиху Одноглазому? Значит, ты не знаешь, что заговор помогает
победить нечистую силу?

– Не знаю...

Малко удивился:

– А как же вы там, в вашем далеке, боретесь с нечистой силой?

– Нам трудно. Вот она и плодится, нечистая сила. Все плодится и плодится...

Мальчишка посмотрел сочувственно.

– В вашей заоблачной стране не знают, кто такие обры? Там не ведают, что это страш-
ное племя людей, которые считают себя зверями? Твоим соплеменникам неизвестно, что
обры запрягают наших женщин в повозки, словно быков?

Ах, вот, оказывается, зачем этот обр ошупывал ноги бедной матери Малко – проверял,
годится ли она на роль быка. Ничего себе!

Антошину ужасно захотелось обнять парня за плечи, улыбнуться, сказать что-нибудь
доброе.

Нельзя. Надо продолжать играть придуманную роль.

И Антошин, изо всех сил пытаясь не улыбаться, снова проговорил возвышенно и строго:

– Я иду из далекой заоблачной страны.

– Она что, дальше солнца, твоя страна?

– Моя страна дальше солнца и неба. Она дальше всего.

Мальчик задумался. Видимо, такое расстояние ему представить было невозможно.

Антошин понимал: осталось совершить чудо. Пусть какое-нибудь маленькое, но конкретное. Люди верят чудесам и готовы идти за волшебниками хоть на край света. Тем более когда люди только начинают жить.

«Найди человека!» – советовал ему таинственный Голос.

Ну что ж, полковник нашел человека. Оставалось только, чтобы человек этот понял, что его отыскиали.

– Я пришел из заоблачной страны к тебе, – медленно, четко отделяя слова друг от друга, произнес Антошин.

– Ко мне?

– Мои боги сказали: «Тебе поможет Малко». И я пришел. Я не смог помочь твоим родителям. Но я спас тебя. И теперь ты должен помочь мне.

Малко смотрел недоверчиво.

Требовалось чудо. Причем немедленно.

– Дай мне меч, – попросил Антошин.

Мальчик ответил так, как на его месте ответил бы любой разумный человек:

– Ага. Может, тебе сразу оба отдать, чтобы удобнее было рубить мне голову?

– Тебе страшно?

Антошин знал: больше всего на свете мальчишки боятся выглядеть трусами. Все остальные страхи для них ничто в сравнении с этим.

– Тебе страшно? – повторил он. – Ах да, конечно, ты же еще ребенок. Все правильно. Ты и должен бояться взрослого человека.

Малко произнес твердо:

– Я уже не ребенок. Тот, кто потерял родителей, взрослый человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.